

Рената Окиннская

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

18+

Рената Окиннская

Эксклюзивное право на любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рената Окинская

Эксклюзивное право на любовь / Рената Окинская — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В жизни этого мужчины есть две самые любимые и любящие женщины — мама и жена. Они обе обожают его. Они обе хотят сделать его счастливым. И они ненавидят друг друга. Их война просто ужасна, их действия переходят все разумные границы... И ни одна из них не готова сдаться. Пожилая женщина, у которой в жизни не осталось никого, кроме сына, готова в прямом смысле перегрызть глотку своей молодой сопернице. Молодая девушка, неожиданно-негаданно нашедшая свое счастье, готова за него биться до последнего. Она никому не позволит отнять у нее эту любовь! Мужчина, которого они бесконечно делят, и который не готов оставить ни одну из них, каждый день утопает в неиссякающем потоке чувства вины. А на обратной стороне этой медали — влюбленная девушка, которая, казалось бы, не имеет к этим героям никакого отношения... Но от чего-то именно с ней начинают происходить загадочные и пугающие вещи...

© Рената Окинская, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Рената Окинская

Эксклюзивное право на любовь

Пролог

Дождь. Ливень. Холодные струи хлещут беспощадно, вода рушится с неба. От неё не укрыться, она проникает под любую одежду, ощущение такое, что она со всех сторон.

Но зачем прятаться, когда так хорошо? Когда такое счастье захлёстывает при виде этой картины?

Скрючившееся тело под ногами... Рот, застывший в крике, который так и не смог сорваться с губ. Глаза, распахнутые, дикие, в которых смешалось отчаяние, страх и злоба... Злоба, которой было так много! Тёмные раны, которые вода уже омыла и очистила, и, как финальный аккорд – вилы, убившие предсмертный крик, да так и оставленные.

Благословенный ливень! Он размывает, растворяет едкую ядовитую кровь, смешивает с грязью, превращает в обычную воду. Он превращает всё вокруг в сплошное месиво, в котором уже не разобрать ни единого следа. Давайте, следователи, проверяйте обувь! Конечно, она будет в грязи, как и у всех вокруг – в деревне не бывает чистой рабочей обуви. А сверять подошвы будет просто не с чем... Как и собакам, если вдруг их придет в голову кому-то привести на место преступления, работать будет не с чем...

Мокрые перчатки горят плохо. Перчатки, которыми так удобно было половчее ухватить вилы. Собственноручно, любовно наточенные вилы, ждавшие своего часа. О, у вас необычная судьба! Вам суждено было уничтожить гадину!

Мокрые перчатки горят плохо... Но в печи такой жар, что от них не остается даже пепла. Ещё бы, ведь на улице холод, дождь, и дом нужно как следует протопить. И одежда, хоть и промокшая насквозь, тоже сгорает. Куча старого тряпья, которое не жалко было использовать для чёрной работы. А вот сжигать жалко. Ведь эта одежда стала свидетелем такого прекрасного, такого важного события! Но нет, всё в топку. Ничто не выдаст героя.

Хорошая печь. Всю вонь от сгорающего тряпья вытягивает вместе с дымом прочь, и в тихую комнату не просачивается ни тени запаха.

А снаружи ливень всё буйствует, всё низвергается с небес. Он как будто заодно. Он очищает землю. Он – символ свободы и новой жизни!

Свободы от мерзкого глумливого характера жестокой женщины. Свободы от тайных склок, разборок, лжи и ненависти. Свободы от боли, самой настоящей физической боли, причиненной намеренно и жестоко. Свободы от страха. От страха потерять любимого человека из-за того, что кто-то решил, что имеет эксклюзивное право на любовь...

Ниточка распахнула дверь и быстро забежала в дом, прячась от дождя. Скинула плащ и резиновые сапожки, отряхнула подол платья, которое надела к возвращению мужа, подхватила ведро с ранними яблоками, которое принесла с собой и прошла в комнату. Вскрикнула от неожиданности, а следующую минуту с радостным визгом повисла на шее у любимого. Она не ждала его так рано. Надо же, она не заметила, как он вошёл! И как это они только разминулись?

– Красавица ты моя! – Андрей подхватил её на руки, закружил по комнате, потом поставил на пол и чуть отодвинул от себя, любуясь. Сегодня она надела платье, и это было так здорово! Она так давно уже не надевала платьев...

– Нравится? – сверкая глазами, спросила девушка. Отошла от него ещё подальше, покружилась, красуясь.

– Очень! – муж обнял её, прижал к себе сильно-сильно. Поцеловал. Полюбовался на жену, притихшую, ласковую под его губами, снова потянулся к ней...

Какой-то шорох, или тень шороха раздался за дверью, и он в испуге отпрянул, виновато втягивая в голову в плечи. Но всё было тихо, никто не собирался заходить.

Андрей снова повернулся к любимой, но блеск в её глазах уже погас, улыбка завяла... Она тоже испугалась, и ему было стыдно и неловко за этот её испуг. Он и себя считал в этом виноватым.

Волшебство момента пропало. Тоненькая завеса разделила их, и ощущение беззаботного счастья испарилось. Но все же они улыбались друг другу, и держались за руки, хоть и готовы были разнять их в любой момент.

– А где мама? – задал он неизбежный вопрос.

Ниточка пожала плечами.

– Она пошла на компост, – на лице девушки возникла смесь удивления и лёгкой неприязни. – Решила ведро вылить прямо сейчас. И не поленилась же в такую погоду...

– Понятно, – ответил он. Хотел спросить что-то ещё, но промолчал.

– Есть хочешь? Давай накроем на стол? – предложила жена. Андрей охотно стал ей помогать, но когда всё уже было готово, и на столе стояли три прибора, оба они не решались садиться. Это было чревато. Его мама не простила бы такого – сели за стол без неё!

– Пойду все-таки позову её, – решил он.

– Пошли уж вместе, – вздохнула Ниточка и принялась натягивать резиновые сапоги.

Ливень и не думал стихать. На улице из-за дождя было темновато, вот почему они почти дошли до самой двери сарая, почти что наступили на скрюченное тело... Безжалостно истыканное вилами тело женщины, которую собирались позвать к ужину.

Оба застыли как вкопанные. Неосознанно схватились за руки. Потом Андрей сделал ещё один робкий маленький шаг.

Застывшее в судороге тело, и вилы, глубоко пронзившие горло – такая страшная картина!

– Мама?!

– Виктория Павловна?!

Их голоса прозвучали в унисон...

Да, ливень был тогда что надо. Жестокая улыбка изнутри раскрыла губы. Какое же это всё-таки счастье – дождь! Но... Хватит вспоминать то, что было много лет назад! Пора позаботиться о сегодняшнем дне. Дне, в котором снова не всё гладко.

Наши дни

– Девчонки! – Кристина впорхнула в кабинет. – У меня для вас классная новость!

Она изящно упала в своё кресло, и принялась рассматривать носки замшевых туфельек, одновременно отталкиваясь ногами и крутясь из стороны в сторону. Её просто распирало от хорошего настроения и от желания поделиться своей новостью.

– Да, конечно! – энергично говорила в трубку Анька, и даже кивала головой так, что озорная косая челка постоянно падала на один глаз. Анька в азарте заправляла её за ухо, и даже не замечала этого. – Завтра к девяти утра первый миксер будет у вас. А всего три машины. Вы уж только проследите, пожалуйста, чтобы их как следует работой загрузили, а то в прошлый раз, да и в позапрошлый тоже, ребята по полдня простаивали. Если так и дальше пойдёт, мне

запретят вам столько техники давать!.. Да... да, вот и я об этом же. Ну, так может, завтра двумя машинами обойдётесь? А, ну ладно, хорошо, договорились, пусть завтрашний день будет показательным... Вот и замечательно, Аркадий Фёдорович! Тогда в понедельник созвонимся. Хороших вам выходных!

Наблюдать, как Аня общается с заказчиками – сплошное удовольствие. Она вся прямо с головой уходит в разговор, и кажется, что нет для неё дела важнее, чем дело её заказчика. Это их и подкупает. Особенно мужчин, поскольку в дополнение к манере общения и природному обаянию, Аня имеет шикарные стройные ноги, выразительные голубые глаза и ямочки на щеках, которые очень ей идут и гармонируют со стильной короткой причёской на светлых волосах. Аня – далеко не красавица, но, что называется, девушка с харизмой...

Но Кристине сейчас было не до Аниных талантов и красот. Ей просто необходимо было срочно поделиться с нами чем-то важным, и, видимо, личным. Едва дождавшись, пока подруга повесила трубку, она проворчала:

– И зачем так много разговаривать? Можно подумать, ты боишься, что он от тебя сбежит! Давно известно, что он у тебя чуть ли не с руки есть готов, а ты все заливаешься и заливаешься соловьём! А у меня тут новость для вас!

– Кристина! – захохотала Аня. – Ты уже тысячу слов сказала! Давай свою новость.

– Девушки! – раздался недовольный возглас из дальнего угла кабинета. – Сколько можно орать? Я вас слышу лучше, чем собеседника!

Марина Викторовна прикрывала рукой телефонную трубку и всем своим видом демонстрировала праведное возмущение. Ей что-то около пятидесяти, и, увы, она не из тех женщин, про которых можно сказать, что они хорошо сохранились. Вообще, уход за собой – не её конек, наша сотрудница не признает ни красивых нарядов, ни украшений, ни, тем более, косметики. Подозреваю, что если она и пользуется иногда каким-нибудь кремом, то он у неё на все случаи жизни, и для лица, и для попы... Внешне она больше всего напоминает высохшую морковь, а её главной отличительной чертой является жгучая нелюбовь ко всему женскому роду. И чем моложе и интереснее представительницы этого самого рода, тем яростнее проявляется эта нелюбовь. Нас троих она просто на дух не переваривает.

– Мы приносим вам свои глубочайшие извинения! – очень громко, чтобы слышно было на том конце провода, и с изрядной долей ехидства, произнесла Аня. Кристина, хихикая, ткнула её локтем в бок и предложила:

– Пойдёмте, покурим.

На самом деле ей явно что-то хотелось с нами обсудить без посторонних ушей потому, что из нас троих курила только Аня.

– Так вот, – кричала Кристина, когда мы вышли на залитую весенним солнышком улицу, – у меня для вас шикарная новость! Сегодня вечером мы все втроём приглашены!

– Куда? – таким же ором поинтересовалась я. Кричать нам приходилось потому, что с территории один за другим выезжали три грузовика, в народе называемых бетономешалками, на нашем же жаргоне зовущихся проще – миксерами. Своими выхлопами они заполнили всю улицу, начисто лишив её свежести майского дня.

– Вита... – начала было Кристина, но осеклась и торопливо оглянулась через плечо – проверить закрыто ли окно у Ящерицы. Окно было закрыто, но она на всякий случай помашила нас к себе, и когда мы уже почти сталкивались лбами, заговорщицки сказала: – Виталий сегодня вечеринку устраивает! Загородную! Мы все втроём едем туда!

От возбуждения у неё блестели глаза. Вообще, когда Кристина волнуется, или испытывает какие-то сильные эмоции – она просто неотразима! Само по себе её лицо, простоватое, с мелкими чертами лица, не слишком выразительное. Правда, Кристина умело пользуется косметикой, и это ей помогает, но все-таки активная мимика, вопреки расхожему мнению несёт не вред, а пользу её облику. А еще у неё замечательная кожа, нежная, почти прозрачная, с есте-

ственным румянцем на скулах. Да и волосам, сейчас забранным в толстую русую косу, можно только позавидовать.

– О, как! – удивилась Анька.

– Чудненько! – обрадовалась я.

– Вот-вот, и я о том же! – сказала Кристина уже нормальным голосом, так как машины наконец-то покинули территорию АТП, и воцарилась относительная тишина, но на окно Ящерицы все-таки поглядывала одним глазом. – Только сегодня утром сказал мне! Сюрприз хотел сделать! Сначала всех пригласил, всё организовал, а потом уже сказал, что вечером кое-что намечается! И чтобы я вас звала.

Кристина так лучилась радостью, что на неё невозможно было смотреть без улыбки.

Дело в том, что её отношения наконец-то сдвинулись с мертвой точки, и в последнее время стремительно набирали обороты.

В наше АТП мы с ней вместе устроились два года назад. Аня уже работала здесь около года, и с ней мы быстро сдружились.

Кристина с самого начала положила глаз на Виталия Андреевича, финансового директора. Ему было немного за тридцать, среднего роста, с прекрасной фигурой, которую поддерживал посещениями спортзала три-четыре раза в неделю и лицом, с которым не стыдно было бы сниматься в кино. Да и умом бог не обидел. В общем, парень хоть куда, да ещё и в самом расцвете!

Одно лишь обстоятельство омрачало картину – он по совместительству является сыном Ящерицы. А Ящерица по совместительству является учредительницей нашего АТП. Это само по себе, может, ещё и ничего, но характер у неё – не дай Бог никому! Наверное, даже айсберг рядом с ней чувствовал бы себя настоящим горячим мачо. К примеру, у неё имеется жуткая привычка говорить очень тихо, ни на минуту не сводя глаз с собеседника, причём взгляд настолько пронзительный, что любой человек начинает через минуту чувствовать себя как под прицелом. И этим своим тихим голосом она умудряется устраивать такие разносы и отдельным личностям и целым собраниям, что любо-дорого... В работе она придирчива до маниакальности. В принятии решений не ведаёт ни жалости, ни страха. В общем, сотрудники впадают перед ней в священный трепет, и лишний раз стараются не попадаться ей на глаза.

Конечно, есть у неё и хорошие стороны. В зарплате она нас никогда не обижает, да и платит всегда день в день, похоже, для неё это вопрос принципа. Принадлежащее ей предприятие содержит в чистоте и порядке, заботится о комфорте своих сотрудников... Короче, да, положительные качества у неё тоже есть.

Но всё-таки, откровенно говоря, не любит её никто. По моему личному мнению – нельзя быть женщине настолько властной – когда она становится руководителем, да ещё таким жестким, то женственность, нежность и обаяние вынуждены покинуть эту оболочку. Не знаю, как муж с ней жил...

В общем и целом, опасения Кристины понятны. Одному Богу известно, как бы Ящерица отреагировала, если бы узнала, что обычная наёмная сотрудница вдруг посмела встречаться с её обожаемым сыном. А сына она и в самом деле обожает, и это заметно даже при её холодном и скрытном характере. Да и он маму, видимо, очень любит, иначе почему до сих пор живёт с ней?

Все эти сложности были понятны с самого начала, но с этого же самого начала, стоило только Кристине увидеть Виталия и поговорить с ним минут пять, как она заявила нам, что станет его женой.

– Ого! – отреагировала тогда Анька. – Смелая какая! А он в курсе твоих планов?

– Пока ещё нет, – спокойно ответила Кристина, – но ему и не обязательно. Пока.. – она хитро и озорно улыбнулась.

И развернула свою игру...

– Да-а-а, Кристинка, ну ты молодец! – протянула Аня, – всё-таки добиваешься своего! Зря я не верила!

– Тихо ты! – шикнула Кристина, снова оглядываясь на окно.

– А что? – беззлобно поддела я. – С мамочкой пока ещё не знакомил? То есть, я имею в виду, в статусе своей девушки?

– Пока ещё нет, – вздохнула она, теребя наманикюренными пальчиками свою шикарную косу, – но если так пойдёт и дальше, то недолго до этого. Даже и не знаю... – она снова вздохнула, но договорить не успела – в дверях показался Витек, ещё один наш менеджер, и крикнул, размахивая худыми руками:

– Девчонки! Там телефоны надрываются! И Маринвиктырна сейчас взорвётся!

– Спасибо, идём! – крикнула Аня, туша сигарету о край большущей бетонной пепельницы. – Да, девоньки, пора. Тем более что вечером, думаю, ещё найдется время потрындеть.

– Это точно, – в один голос согласились мы с Кристиной, и она добавила: – Катюха-Рыжуха, давай тогда ты после работы ко мне поедешь? А то ты пока в свой район доедешь, пока обратно... А так вместе соберемся, мой шкаф в твоём распоряжении, ты же знаешь. И Нюшка к нам подскочит, а?

– Девочка моя, это замечательная мысль! – согласилась я. И в самом деле, мы жили в разных концах города, в то время как Аня и Кристина – буквально в соседних дворах. Тем более что фигуры у нас с Кристиной похожие, а делиться шмотками давно в порядке вещей.

В кабинет мы вернулись с серьёзными лицами и тихо расселись по местам, дабы не раздражать ещё сильнее головную боль нашего отдела – Марину Викторовну. Она и так бросала на нас полные презрения взгляды, а с этой воблы сублимированной сталось бы пойти и накапать Ящерице, что в рабочее время мы не работаем, а смеёмся, разговариваем и вообще занимаемся чёрт знает чем!

«А сколько народу будет? И кто? И вообще где это всё будет?» – тут же отстучала я Кристине в личку-печатать ведь нам никто не запрещал, наоборот, сразу такая рабочая видимость создается... Аню, видимо, мучил тот же вопрос, так как Кристина поглядела на нас обеих и усмехнулась.

«У его брата на даче. Будет он, Филипп и четверо друзей, из них двое с девушками. То есть всего шесть. Знаю только брательника, друга Рому и его Свету, и Пашу. С остальными тоже только знакомиться буду».

«У Виталия брат есть??» – лица у нас с Анькой, видимо были одинаково обалдевшие.

Все знали, что Виталий – сын Ящерицы, и что живут они вместе. Это, кстати, очень сильно меня смущало в отношении Кристиных планов, но она как-то отмахнулась и заявила, что когда они пожениются, то будут жить отдельно.

«Есть»

«Филипп»

«Он младший»

«Они совсем не похожи»

«И, кажется, у них с Ящерицей какой-то конфликт был»

«Короче, он давно отдельно живёт»

Ну, тут уж стало совсем не до работы. Мы с Анькой принялись тарабанить по клавишам, забрасывая подругу вопросами, на которые она не успевала отвечать. В итоге она показала нам тихонечко кулак, на все наши сообщения написала в ответ: «Доживите до вечера – сами всё увидите!», после чего решительно взялась за телефон. Что ж, она права, дела нужно доделать, чтобы с чистой совестью уйти на выходные.

Всё-таки время – удивительная вещь. Почему-то именно в пятницу именно последний рабочий час тянется дольше всего! А уж когда ещё и середина мая за окном... Мы уже переделали все дела, и теперь просто тупо сидели в интернете, ожидая пяти часов, когда можно будет наконец-то уйти. О том, чтобы отпроситься пораньше и речи быть не могло! Дисциплина есть дисциплина, с этим у Ящерицы строго!

Анька тихо-тихо подпиливала ноготок, я, от нечего делать, изучала ситуацию на дорогах, хотя машину собиралась оставить здесь. Что делала Кристина – не знаю, но она нежно улыбалась монитору. Остальные сотрудники тоже занимались кто чем, то есть по большей части валяли дурака, и только стойкая Марина Викторовна занималась обзвоном, с целью привлечения новых заказчиков. На мой взгляд, более глупого занятия в пятницу вечером придумать нельзя, и получала она одни отказы, но... такой уж она человек.

– Здравствуйте! – в дверях показался парнишка-курьер. – Могу я увидеть Кристину Кузьмину?

– Это я, – удивлённая Кристина поднялась.

– Ага, – он протянул ей обёрнутую бумагой коробку, размером где-то с обувную. – Вот здесь распишитесь, пожалуйста.

– Что это? – удивилась она.

– Не знаю, – парень пожал плечами, и сунул ей под нос бланк для подписи, – моё дело доставить.

Ему, наверное, тоже очень хотелось поскорее распрощаться с делами. Заинтригованная Кристина поставила автограф, где требовалось, и он тотчас испарился.

Естественно, мы все побросали свои занятия и собрались вокруг её стола.

– Ай, давай, открывай же! – торопила ее Анька. – Нам же интересно!

– А если там бомба? – ехидно предположил Витёк.

– Дурак, что ли? – возмутилась я. – Какая ещё, на фиг, бомба? Кристина, открывай уже!

Погоняемая со всех сторон подруга, которой и самой было жутко интересно, принялась разворачивать верхний слой обычной серой бумаги. Глаза у неё сияли, и я готова поспорить на что угодно, что она, как, впрочем, и мы с Анькой, была уверена, что это от Виталия. Вообще-то это не в его стиле, как-то не вязалось с его характером, но кто знает?.. Может, весна и Кристина растопили в нём этот его вечный холодок?

Под серой бумагой обнаружилась коробка, обёрнутая яркой блестящей фольгой, поверх которой почему-то в несколько слоев была намотана стрейч-пленка.

– Господи, а это ещё зачем? – удивилась я.

– Наверное, внутри что-то хрупкое? – предположила Аня.

– Скорее уж что-то ядовитое, – внёс поправку Витек, со всех сторон осматривая посылку.

– Дурак! – разозлилась Аня. – Не можешь чего-то хорошее сказать?

– А что я-то? Зачем, по-твоему, её так замотали?

Кристина тем временем срезала слой стрейча, и принялась за обертку.

Мне показалось, что комнате поплыл мерзкий сладковатый душок, но я сначала не обратила на это внимания. Однако когда она сняла обёртку, душок превратился в вонь. Самую

настоящую вонь, которую ни с чем нельзя спутать! Так приторно и тошнотворно пахнут дохлые кошки...

– Мать моя, что это? – растерялась Аня.

Улыбка стекла с Кристиных губ, да и у нас всех лица были обалдевшие. Под обёрткой оказалась розовая коробка. Подруга подняла крышку, пару секунд смотрела на то, что под ней, потом вскрикнула и отскочила в сторону.

На дне коробки лежала чёрная атласная подушка, на которой была разложена огромная мёртвая крыса. И вонь от неё шла просто нестерпимая! А рядом листочек бумаги, на котором было напечатано: «УБИРАЙСЯ!!!».

– Вот жуть! – прошептал потрясённый Витёк. У остальных слова нашлись не сразу.

– Что это? – губы у Кристины чуть дрожали, а в голосе послышались слёзы. – Твою мать, что это такое??

– Кры-ыса... – испуганно протянула я.

– Нет, да что же это такое творится?! – возглас возмущенной Марины Викторовны, о которой мы как-то забыли, заставил всех нас вздрогнуть. Она грохнула трубкой об стол, поднялась и решительно направилась к нам. – Вы что там такое вытворяете?? Дышать же нечем! В конце концов...

Тут она добралась до Кристиного стола и увидела коробку. Чуть-чуть постояла, являя собой живое олицетворение выражения «глаза полезли из орбит», а потом...

– А-а-а-а!!! Крыса!!! А-а-а!! Вон! Вон! Уберите её!! Фу, придурки, что за мерзость вы принесли?! УБЕРИТЕ ЭТО НЕМЕДЛЕННО!!!

Она кричала так, что стены дрожали, и при этом толкала под руки Витьку, видимо как единственного представителя мужского пола в нашем кабинете. Причем толкала так, что ему пришлось упереться в стол, чтобы не кувырнуться в эту коробку носом.

– Ну что вы замерли как истукан?? Унесите это!! Фу!! Дрянь!! – и тут она ещё зачем-то ка-ак грохнула кулаком по столу.

Мы все хором вздрогнули, а для Витьки это, судя по всему, явилось руководством к действию: он брезгливо ухватил коробку за край, сверху запихал всю обёртку, стрейч и бумагу, и бегом ринулся из кабинета.

– Боже мой! Ну как тут работать?! Ну, это же надо догадаться!! – разорялась Маринвictoryна, но тут обычно тихая Кристина не выдержала и рявкнула в ответ:

– Да заткнитесь вы!!

– Что-о-о? – такое обращение для нашей гримзы явно было внове.

– Рот, закрой, дура! – подруга относилась к тому типу людей, которых трудно вывести из себя, но уж если удалось, то потом ещё труднее загнать обратно. – Чего разоралась? Ты что, думаешь, я сама её сюда принесла что ли? Мало того, что меня саму всю трясет, так ты тут ещё истерики закатываешь!

На Кристину и в самом деле было больно смотреть, такое у неё было обескураженное и расстроенное лицо. Я подошла и обняла её за плечи.

– Ты только не расстраивайся, – попросила я, хотя сама не представляла, как не расстроиться в такой ситуации. – Это просто чья-то очень дурацкая шутка.

Марина, оскорбленная до глубины души, пулей выскочила из кабинета. Аня нараспашку раскрыла оба окна, и в комнату потянуло свежий воздух. Не совсем, правда, свежий, все-таки на территории АТП обычно пахнет выхлопом, соляркой, ещё чем-то таким техническим, но всё же это намного лучше, чем невыносимая трупная вонь.

– Всё! – отапортовал, вернувшись, запыхавшийся Витёк. – Я её в мусоросжигатель бросил! Там как раз какой-то хлам жгут!

– Спасибо тебе, – Кристина жалко улыбнулась.

– Что здесь происходит? – послышался от двери холодный недовольный голос. Ящерица, собственной персоной. Да, и, конечно же, Марина на заднем плане. Вот кто на самом деле заслужил такую посылочку! Может даже и не одну... – Кристина, что за глупые розыгрыши, потрудитесь объяснить?

– Я не знаю! – подруга развела руками. – Кто-то прислал мне посылку...

– Кто?

– Да откуда ж ей знать? – вставила Анька.

– Перовская, вас я не спрашивала, – Ящерица даже не повернула голову в её сторону, отмахнулась, как от мухи. – Так вы что, не знаете, от кого получаете подобные «шутки»?

Она прищурилась, и глянула на Кристину так, что всем, а в первую очередь самой Кристине тут же стало понятно – получать подобные посылки – великое преступление. Моя бедная подруга даже пошла красными пятнами от всех этих эмоций.

– Понятия не имею! – ответила она. Подруга уже немножко пришла в себя, испуг и отвращение уступали место обиде и злости. – Если бы знала, то своими руками по лицу бы надавала.

– Этого ещё не хватало! – высокомерно бросила Ящерица. – Где ЭТО сейчас?

– Виктор в мусоросжигатель кинул.

– Понятно. Это хорошо, – начальница глянула на часы. – На сегодня ваш рабочий день закончен, – мы украдкой перевели дух. Слава Богу, сейчас она уйдёт, и можно будет тоже поскорее покинуть это место! – но я хочу во всём разобраться. Каждый расскажет мне что знает. Начнем с вас, Кузьмина. В понедельник, в девять ноль-ноль я жду вас у себя в кабинете. Всего хорошего.

Спустя секунду мы остались одни.

– Ну, ёлки зелёные... – расстроено протянула Кристина. Мы с Анькой тоже приуныли. Начинать неделю с тет-а-тета с Ящерицей, что может быть хуже?

– Вот жуть! – снова повторил Витёк.

Старая история...

– Мама, я пойду дров наколю, – сказал Андрей, направляясь к двери. Хоть на дворе и стоял уже июнь, но был он совсем не жаркий, а домик, в котором они жили – старенький, корявый, тепло в нем держалось плохо.

– Давай, сынок, давай, – мать ласково улыбалась ему. – А мы пока картошечки натушим.

Жена, чистившая картошку, тоже улыбнулась, потом поднялась, подошла, обняла любимого, стараясь не запачкать грязными руками.

Он наклонился и легко поцеловал её, краем глаза заметив, как недовольно поджались мамины губы, тихонько вздохнул. Нежно чмокнул жену в нос, посмотрел, как она возвращается к столу, берёт в руки следующую картофелину. Живота ещё совсем не было видно...

– Детка, ты бы платок накинула? – обратилась мать к невестке. – А то пока не протопили, зябко, не застудилась бы...

– Нет, спасибо, мне не холодно, – улыбнулась та в ответ.

«Наверное, я просто придираюсь» – думал он, замахиваясь топором на здоровенный чурбак. – «Мать вон чуть ли не из кожи лезет, так хочет показать, как она хорошо относится к нам. Мало ли что когда было, но теперь, кажется, она поняла, что я не буду вечно привязан к её юбке. Да вроде и приняла Ниточку мою нормально, вон как заботится о ней...».

Основания переживать у него были, ведь не первый же раз он пытался построить семью. Была у него девушка...

Давно, шесть лет назад. Ему самому-то тогда только-только двадцать исполнилось. Влюбился он, как говорится, по уши. Пылинки готов был сдувать, на руках носить! Привёл домой, сказал: «Женюсь, мама!». Не спросил, а перед фактом поставил. Ведь мужчина должен жену в дом приводить, а у него только этот дом был, с мамой. Ну и началось...

Скандалы, слёзы, ссоры, бесконечные упреки... Началось сразу, чуть ли не с первого дня. Каждая из них по отдельности холила его и лелеяла, но стоило им оказаться втроём, как обе женщины превращались просто в змей, кусались и жалили друг друга, да и ему доставалось.

Как он старался их примирить! Говорил: «Вы же обе меня любите, и я вас люблю, ну что вам делить?».

– Знаешь, сынок, – сказала ему мама однажды, – та авария у меня мужа забрала, отца твоего, так рано... И пожить-то с ним толком не успели... А как любили мы с ним друг друга! И сыночка моего старшего, братика твоего... Мне когда сказали, что убило их, я чуть с ума не сошла... В тот же час за ними была готова... Только ты меня на этом свете и удержал. А теперь... Не могу я смотреть, как эта зараза тебя от меня уводит! Ладно, была бы девка хорошая, но она ж дрянь, мразь первостатейная!

Никакой дрянью та, конечно, не была. Нормальная девушка из нормальной, вполне интеллигентной семьи, вежливая, воспитанная... Но маму было не переубедить, и склоки продолжались. Как он ни просил обеих женщин пойти на уступки – ни одна не соглашалась. Они были готовы просто разорвать его на кусочки – так Андрею казалось. И ему в этих ссорах тоже доставалось немало.

Сколько было упрёков: «Ты родную мать готов на эту... променять!» с одной стороны, и: «Всю жизнь за мамашину юбку держаться будешь? Зачем на мне женился, если тебе только она нужна?».

В итоге случилось неизбежное – его поставили перед выбором: «Или я – или она!!!». Причем поставили обе, в один и тот же день.

Честно признать, он не выдержал такого давления. Собрал вещички, покидал в чемодан и уехал на две недели – подумать. Все две недели проторчал у друга и сломал всю голову, пытаюсь найти выход. И решился.

Ехал обратно, как на крыльях летел. Они с женой уедут. Будут жить отдельно. Пусть будет тяжело, пусть будет не хватать денег, это всё устроится со временем! Он хотел, чтобы его милая ни в чем не нуждалась, но понял, что дальше жить под одной крышей все вместе они точно не смогут...

Приехал. Мама встретила ласково, обнимала, целовала. Она аж светилась от счастья.

– А где?..

– Ушла! – отрезала мать, не давая ему даже спросить. – Уехала. Заявила, что не хочет всю жизнь с маменькиным сынком жить. Наговорила мне тут всего... Дрянь такая! И про тебя такое говорила – сказать стыдно!

Это было ударом. Он уже напредставлял себе их новую счастливую жизнь, а тут как ушат холодной воды...

Конечно, он ездил за ней. Умолял вернуться, попробовать заново, сначала, на новом месте, только вдвоём... Но что-то сломалось в ней за те две недели... а может и раньше.

– Хочешь своё счастье найти – живи один. Или с матерью живи, но тогда девушкам голову не морочь. Она жизни никому не даст. Она же чокнутая у тебя! Так что решай сам, как тебе дальше быть. Будь счастлив!

И всё. Закрыла перед ним дверь.

Этот стук закрытой двери, такой окончательный и бесповоротный, долго ещё преследовал Андрея. Нет, он бы не сдался так просто, он бы боролся, если бы не прочитал в её глазах так ясно – это конец! Абсолютный. Черта, из-за которой нет возврата.

Как же плохо ему тогда было!

Несколько дней потом он старался с матерью совсем не общаться. Боялся, что если хотя бы просто заговорит с ней, то не выдержит: сорвётся, наругает... И мать ходила вокруг него кругами, тихая, грустная, в глаза заглядывала, ластилась к нему. Потом однажды не выдержала – схватила его за руку, когда он собирался выйти из дома воздухом подышать.

– Андрюша, сыночек, ну за что ты так со мной? – и разрыдалась. Да так горько и так искренне, что он растерялся... И растаял. Это же была его мама.

– Ты прости меня, сын, – говорила она потом, чуть успокоившись. – Может я и не права была, что так поступаю. Не хотела тебе говорить, это ж всё-таки тяжело так... Только понимаешь, не один раз я уже замечала, как твоя жёнушка другим глазки строит.

– Мама! Ну что ты такое говоришь?

– Знаю я, что говорю! – оборвала его женщина. – Это тебе любовь глаза застила, а мне со стороны всё ой как видно было! Как она, не стесняясь, из-за твоего же плеча другим авансы делала!

– Мама!

– Да, сын, так и было! – горячо воскликнула она. – Не веришь мне, вон, соседей спроси – Марью Юрьевну там, или Петра Васильевича... Да хоть кого! Ты один как слепой ходил, а так-то вся округа в курсе!

Андрей совсем сник. Спрашивать он, конечно, никого не стал, и в глубине души ну никак не мог поверить, что бывшая его жена могла ему изменить! Нельзя же, в самом деле, притворяться такой влюблённой, а потом быть ещё с кем-то? Да и зачем?

Но ведь и мама врать не станет! Не может такого быть, чтобы она всё это просто придумала!

– Я тебя люблю, сынок, – говорила мама. – Я так хочу, чтобы ты у меня был счастливым! И я уверена, что ты обязательно встретишь девушку, хорошую, достойную тебя! И когда ты такую в дом приведёшь, поверь, я её встречу как дочку!

Сбежавшая жена была далеко, и возразить на эти обвинения ничего не могла, а мама, родная, любящая, заботливая, была рядом, и постепенно мысль, так настойчиво внушаемая ею, всё же укоренилась в его душе. Воспоминания о первом браке отдавались в душе смесью боли, обиды и разочарования.

В следующий раз он был более осторожен. Долго присматривался, анализировал – всё боялся снова повторить ошибку – слишком уж дорого обошёлся ему прошлый раз. Наконец решился. Маму предупредил заранее, девушку долго водил к ним в дом, они пили чай по вечерам, ужинали все вместе... Но скоро ему стало ясно, что история повторяется. Мать не могла сдержаться, начинала упрекать, задевать, язвить... На его возмущение отвечала, что никак не может удержаться, когда видит рядом с ним ту, которая его не достойна. Ведь он такой замечательный – её сын! И у него должна быть такая же замечательная спутница. И не надо на маму обижаться. Мама всегда желает своему любимому мальчику только добра! Только добра!

Так же было и с третьей, и с четвёртой...

Потом он перестал их приводить. Да и вообще выбросил из головы мысль о женитьбе, как-то переболел этой идеей. И новые отношения – легкие и ни к чему не обязывающие, стали ему даже нравиться. Хорошо ведь – встретились, весело и приятно для обоих провели время, и разбежались каждый в свою сторону... Ни тебе обязательств, ни нервов лишних – красота!

Так шло до тех пор, пока он не познакомился с ней. Поначалу было всё как обычно. Они встречались, вместе веселились – чаще всего у неё. Анна была сиротой, потеряла родителей в шестнадцать лет. Братьев или сестер у неё не было, вообще не было близкой родни, жила она одна, в комнате в коммуналке, и это было очень удобно.

Иногда оставались и у него, когда матери не было дома. С ранней весны она ездила на дачу и проводила там иногда по несколько дней подряд. Андрей заботливо ехал с мамой, пёр

на себе сумки с продуктами, колол дрова, чтобы хватило надолго... А потом летел обратно в город, и на несколько дней квартира превращалась в оазис любви.

Андрей называл Аню Ниточкой, это как-то сразу получилось. Она была худенькой, стройной, гибкой, как ивовый прут, и он, чуть ли не с первого дня их знакомства звал её почти всегда только так.

У неё был лёгкий и солнечный характер, и он сам не заметил, как успел сильно привязаться к хорошенькой девушке. Он не строил серьёзных планов и сразу предупредил об этом, а так же в порыве откровенности рассказал и про свою маму, и про сложности в общении с ней. Ниточка всё это слушала спокойно, с милой улыбкой и так, словно к ней это не имело отношения.

А потом...

Они лежали в постели, счастливые, довольные друг другом. Она тихо перебирала его пальцы, он курил, глядя в потолок.

– Я беременна, – девушка сказала это так спокойно и буднично, что он поначалу и не отреагировал.

По мере того, как новость просачивалась в сознание, у него наступал шок. Он вздрогнул, резко сел на постели и уставился на неё во все глаза.

– Что?!

– Ну что ты так задёргался? – засмеялась она, сладко потягиваясь. – Так уж получилось. Как мы с тобой встречаемся, так это должно было случиться рано или поздно.

– Но... Как?.. Что делать? Как мы теперь?.. – Андрей никак не мог собрать мысли в кучу.

– Я буду рожать, – всё так же спокойно сказала Ниточка, потом встала на колени, обняла его сзади, прижалась горячим телом. – Милый мой, я тебя очень люблю. Я знаю, что тебе это не нужно, что ты не собираешься на мне жениться. Я ничего не требую и не жду от тебя. Наверное, это последний раз, когда мы с тобой видимся... Потому, что я ни за что не избавлюсь от твоего ребенка! Я рожу его и выращу, и я буду самой счастливой мамой. Потому, что у меня будет ребёнок от тебя! Мой ребёнок!

В тот раз Андрей сделал то, за что ему всегда было страшно стыдно перед ней – он оделся и ушёл...

Да, у него был шок, да, он растерялся, да, его мир встал с ног на голову... Но всё же, он сам себе не мог простить, что ушёл тогда от неё! Она не плакала. Не просила его ни о чём, вообще ничего не сказала. Только молча сидела на разворошённой постели и смотрела на него огромными глазами, в которых вперемешку были счастье и отчаяние. И горько, нежно улыбалась.

Целых три дня понадобилось Андрею, чтобы всё осознать. Осознать и принять решение.

– Мама, я женюсь, – сказал он решительно за завтраком. Мать от неожиданности выронила кружку с горячим чаем, осколки и капли разлетелись по всей кухне, но она даже не обратила на это внимания.

– Что-о-о?

– Я женюсь, мама. И это не обсуждается! – не сознавая, что делает, он встал, и говорил, нависая над ней. – У меня есть женщина. Я её люблю. У нас будет ребёнок, – он произносил это уверенно и грозно. – Сейчас я поеду и привезу её, а по дороге мы подадим заявление. И ты, запомни это хорошо мама, ты не посмеешь портить нам жизнь! Ты не будешь делать ей замечания и ругать её. Ты поняла меня? Она хорошая, очень хорошая! И ты это поймёшь, когда с ней пообщаешься. Ты будешь хорошо к ней относиться и уважать её! А если только я узнаю, что ты её обижаешь, мы с ней уедем! Ты всё поняла? Ты поняла меня, мама?

Он никогда так с ней не разговаривал! Он даже сам не знал, что может так говорить с матерью, и для неё это явилось полной неожиданностью. Она сидела на табуретке, смотрела на него, как кролик на удава и кивала в такт каждому его слову. На последнюю реплику она тоже не ответила, а только кивнула, но он понял это как согласие. Встал, оделся и поехал.

– Я знала, что ты придёшь! – Ниточка бросилась ему на шею, как только увидела.

– Прости меня, прости, – шептал Андрей, целовал её, обнимал. Он был как пьяный от счастья и любви. Подхватил её на руки, закружил... Потом опомнился, бережно поставил, опустился перед ней на колени и с благоговением прижался лбом к её животу.

Ей хватило часа, чтобы собраться. Чемодан и две сумки мужчина тащил на себе, заявив, что ей нельзя поднимать ничего, тяжелее дамской сумочки, и при этом ему казалось, что он не идёт, а летит над землей. И он ещё как-то умудрялся обнимать её, прижимать, чувствовать её рядом. О том, как их встретит мама, он не волновался. Он был уверен, что достаточно ясно ей всё объяснил.

Но мама превзошла сама себя. Не успел Андрей вставить ключ в замок, как она уже распахнула дверь. Захлопотала, помогая ему сгрузить сумки, потом взяла Ниточку за руки, вывела на середину комнаты, пристально посмотрела в глаза... И обняла. Обняла со словами: «Ну, здравствуй, доченька!». От неожиданности мужчина растерялся, да и девушка из-за маминого плеча поглядывала с недоумением – ведь он столько рассказывал о матери, о том, как та избавлялась от его пассий... И тут такой приём!

Квартира была чисто прибрана, в вазе стояли цветы, а в духовке уже подходила курица, наполняя соблазнительным ароматом весь дом...

«Что ж», – подумал Андрей, – «времена меняются!». Может и мама поняла наконец-то, что нельзя всю жизнь держать сына при себе?

Сидя за первым семейным ужином, глядя как мило общаются между собой две самые дорогие ему женщины, он чувствовал себя невероятно счастливым.

Наши дни

Из-за этой вонючей крысы у Кристины всё же началась истерика, причём, как и следовало ожидать, в самом неподходящем месте, а именно – на перекресте, когда загорелся зелёный сигнал, и нам надо было ехать. Сигнал загорелся, а мы стоим и стоим... Я глянула на подругу – а у неё губы дрожат, и слёзы тихо-тихо так текут. Ну и, понятное дело, нервные граждане тут же принялись сигналить, кто во что горазд.

Я не растерялась и первым делом включила аварийку. Потом велела ей:

– А ну давай, перелезай на пассажирское! – а сама тут же выскочила из машины, обежала её, плюхнулась на сиденье, потеснила Кристину попу и практически выпихнула её на другое кресло. Кристина не сопротивлялась, вяло пытаясь пристегнуться.

– Обезьяна! – вякнул мне какой-то особенно морально неустойчивый козёл прежде, чем я успела захлопнуть дверь.

– На себя посмотри... – пробурчала я себе под нос, снимая тормоз с ручника, который Кристина, видимо, автоматически вытянула на максимум, пристегнулась и на следующий "зелёный" уже преспокойненько стартовала. Слава Богу – у нас с ней одинаковые машины!

– Кшиська, ты не расстраивайся, – попыталась я её утешить. Мы с Анькой часто звали Кристину на польский манер, ей так нравилось. – Придурок какой-то пошутил... Точнее, очень мерзко приколотся... Это, правда, ужасно... Но ты не бери в голову!

Мои слова звучали неубедительно, и я и сама не верила как-то в то, что говорю. Ну что значит "не бери в голову"?

– Ага, не бери! – всхлипывала она. – Так страшно, ты себе не представляешь!

Эта фраза меня несколько обескуражила. Я думала, она ревёт от отвращения, а оказывается, она испугалась!

– А чего ты боишься-то? – спросила я, одновременно раздумывая над тем, в какой бы магазин заехать по дороге.

Кристина провела пальцами под глазами, в надежде стереть поплывшую тушь, но лучше не стало – сама того не ведая, подруга нарисовала себе суровые серые подглазники.

– Как это чего? – изумилась она, и снова всхлинула. – Там же было написано: «Убейся!».

– А, и в самом деле! – вспомнила я. – А откуда убираться-то?

Фиг с ним, заскочим в подвальчик возле дома. Там на внешность внимания вообще не обращают, хоть и знают всех в лицо.

– А я знаю?! – вскрикнула она, и расстроено всплеснула руками. – Знала бы, так может и убралась... – и с горечью добавила: – Чтобы ещё раз такое не получить!

И тут Кристина вовсю заревела. Самозабвенно так, по-детски, с воем и веньганьем. Чем её утешить я не знала, да не была уверена, надо ли. У неё явно стресс, и сейчас он выходил, а если я её успокою, то он может до конца и не выйти...

Как и следовало ожидать, минут десять спустя фонтан немного иссяк, и я украдкой перевела дух. Хоть мне и было очень жалко Кристину, но вести машину под такой аккомпанемент – ну просто каторга!

Пока она приходила в себя, я думала – как бы я себя на её месте чувствовала? И ещё: кому и зачем понадобилось устраивать такую гадость? Ошибки быть не могло, курьер спрашивал именно Кристину. Кто же это такая сволочь?

Оказывается, Аньку терзал тот же вопрос. Устроившись в кресле и потягивая пиво, которое мы с Кристиной купили в подвальчике возле дома, она красила ногти на ногах и рассуждала вслух:

– Я думаю, это бабских рук дело! Ни одному мужику такое просто в голову не придет! У них мышление по-другому устроено.

– Ага, а бабе, значит, такое может в голову прийти? – повернулась в её сторону Кристина.

– Не вертись! – велела я и вернула её голову на место. Я делала ей причёску, а она, паразитка, ёрзала, крутилась и никак не могла посидеть спокойно. – Бабе и не такое в голову может прийти. Положа руку на сердце, у женщин ведь и в самом деле на такие штучки фантазия не знает границ.

– Вот-вот! – поддержала меня Анька, плотнула пива, энергично кивнула и, конечно же, подавилась и закашлялась. – Представь себе, что какая-нибудь крыса на твоего Виталика глаз положила, – просипела она, и, увидев, как Кшиська изменилась в лице, торопливо добавила: – Оу, извини! Это я не подумав!

– Твою ж мать! – Кристина снова повернулась к ней всем корпусом. – Да ведь...

– Ты сядешь прямо или нет? – разозлилась я. – Я тебе сейчас гнездо на голове сделаю, и будешь так ходить!!

– Рыжуха, не шипи! – отмахнулась она. – Слушайте!

– Пр-р-рямо сядь! – рявкнула я, потеряв терпение. Кристина вздрогнула, Анька взмахнула кисточкой с лаком, прокрасив себе палец до середины, а я сама обалдела от своего вопля.

– Кать, ты чего? – тихонько спросила Кшися.

– Ничего, – пробурчала я, ужасно смущённая своим выступлением. – Час тебя уже причёсываю, ты всё крутишься и крутишься, мы так никогда не соберёмся.

– Ну, ты даёшь, мать! – возмутилась Аня, – Надо ж было так заорать! Мне теперь из-за тебя стирать и всё перекрашивать.

– Девочки, извините меня! – мне и самой было страшно неловко за эту вспышку. – Сама не знаю, что нашло. Тоже, видать, понервничала.

– А теперь-то успокоилась? – с подозрением спросила Аня.

– Да. Извините. Кристина, что ты хотела сказать?

Кристина от возбуждения даже встала.

– Анька, ты гений! Все сходится!

– Да что у тебя сходится-то?

– Что ты насчёт крысы сказала? Что если бы мне кто-то дорогу перебежал, я бы тоже много чего могла бы придумать. Ведь так и есть! Сами же знаете, я не из тех, кто будет сидеть, сложа лапки. Я бы боролась за своё счастье! – посмотрев на наши заинтересованные лица на всякий случай добавила: – Ну, до такого бы я, конечно, не дошла... Короче! Я думаю, что это бывшая Виталия!

– О, как! – я, пользуясь паузой, тоже приложила к пиву. – Слушай, а это мысль!

Анька задумчиво посмотрела за окно. Протянула:

– А что? Ведь и правда все сходится! Кшись, слушай, а у него ж до тебя по любому был кто-то?

– Так я о чём и говорю! – Кристина в возбуждении принялась раскачиваться с пятки на носок, опираясь на спинку стула – Была!

– Интересно как! А мы и не знаем ничего... – заметила я, впрочем, не сильно удивляясь. Дело в том, что Кристина, не смотря на всю нашу дружбу, своими любовными историями делилась крайне неохотно. В этом отношении она совершенно нетипичная девушка. Я сначала удивлялась, а потом привыкла, что подруга готова обсуждать любые темы, кроме собственных отношений.

– Ну да, – сморщилась она, – сами же знаете, я не люблю такое перетирать... Но, в общем, дело в том, что у него раньше была другая. Так, ничего серьёзного, но... Можно сказать, что я его у неё отбила...

– О-о, ну ты даёшь! – развеселилась Анька. – Тихая-тихая, а палец в рот не клади!

– Да-да, я такая, – улыбнулась Кшисья. – Вижу цель – верю в себя! Но суть в том, что у этой тёлки точно есть причина меня ненавидеть! Ей-то казалось, что жених почти что у неё в кармане!

– Ни фиги себе! – удивилась я. – Да ты опасная штучка! Я бы на её месте тоже тебя возненавидела... Только странно...

– Что тебе странно, солнышко ты наше? – Анька, неизвестно почему, пришла в шикарное настроение.

– Ты с Виталием сколько уже? – вместо ответа спросила я Кристину.

– Э-э... общаемся мы с ним года полтора... – она сдвинула брови, подсчитывая в уме. – Год назад он её окончательно бросил, до этого всё сомневался. Так что год мы встречаемся, последние полгода серьёзно.

– А до этого что, несерьёзно было? – удивилась я.

– Ну, он думал, что несерьёзно, – усмехнулась она.

– Кшиська у нас стратег! – Анька развалилась в кресле, свесив руки и ноги для просушки, и покачивая в руке бутылку пива. – Правильно сделала, не стала раньше времени мужика пугать! Сначала приручила его, чтобы с руки ел, а теперь уже и ошейник надела.

– Не надела ещё, – фыркнула Кристина, – но если всё пойдёт, как я хочу, то надену уже очень скоро.

– Да ты что? – Анька аж вперед подалась от этой новости. Я тоже застыла с расческой в одной руке и бутылкой в другой, глядя на неё во все глаза. Вот ведь тихоня!

– Дело, оказывается, к свадьбе идёт, а она нам ни полслова! – возмутилась я.

– Вот-вот! – поддержала меня Анька. – Совсем стыд потеряла! Давай, рассказывай, что к чему! – подруга так размахивала руками, что пиво всё-таки выплеснулось из бутылки. Она автоматически дернулась, пытаясь увернуться, и свалилась с кресла на пол. И уже оттуда продолжала:

– Мы жаждем деталей!!

– Будут вам детали! – сквозь смех выговорила Кристина, – Только потом, ладно? А то Виталий вон сообщение прислал – будет через полчаса, а у нас еще конь не валялся! Катюха, давай, доделай мне голову поскорее! – она уселась на стул, воткнула мне в руку баллончик с лаком. – И тебе ещё причесаться надо!! Девки, поторопимся!!

У неё так сияли глаза, что лично мне было очевидно, что хоть она и старалась казаться хладнокровной и спокойной, но голым расчётом тут и не пахло. Наша птичка и сама увязла по самое горлышко.

Старая история...

На дачу они переехали спустя неделю. Мама настояла. Она утверждала, и очень решительно, что девушке в её положении надо больше дышать свежим воздухом. Вообще-то, ни Андрей, ни Ниточка не стремились менять уют городской квартиры на быт дачного домика, старенького и неблагоустроенного, но мама настаивала, причитала и давила на сына.

– Ты посмотри, какая она бледненькая! У неё же уже синева под глазами! Да и малышу свежий воздух тоже необходим, подумайте о ребёнке!

Наконец постоянное давление сыграло свою роль. Молодые люди согласились с мамой, не столько вняв её доводам, сколько в надежде, что она наконец-то оставит их в покое. Договорились, что попробуют пожить на даче, но если не понравится, то вернуться.

Ниточке там не нравилось. Дом старенький, дует из всех щелей. Правда, место красивое, вокруг поля, озеро в двух шагах. Тут бы всё переделать...

Воду нужно было таскать из колодца, водопровода не было и в помине. Для готовки использовали газ в баллонах, или, в холодную погоду, топили небольшую печку. И не помыться толком. Каждый вечер ведь баню топить не станешь, и ей, привыкшей в городе ежедневно принимать душ, было совсем неудобно бегать с кастрюлькой, греть воду, ополаскиваться, стуча зубами. Банька тоже была старая, ветхая, протопить её было делом долгим, а остывала она быстро.

Тем более что ни дров натаскать, ни воды принести девушке самой не позволяли. Стоило ведро взять в руки, как свекровь поднимала шум: «А ну поставь! Тебе нельзя тяжести таскать! Ты такая худенькая, мало ли что!».

Вроде бы и забота, да только через неделю ей уже на стенку впору было лезть от такой заботы. Всегда чувствовала себя прекрасно, а тут, при таком уходе и в самом деле стало казаться, что от ведра воды переломится.

В общем, дело шло к тому, чтобы ехать обратно в город. Ниточка уже пару дней обдумывала, как сказать это, не хотелось обижать пожилую женщину, ведь та старалась из лучших побуждений.

Вот и в тот раз, пока Андрей на улице колол дрова, Ниточка автоматически чистила картошку и размышляла, что как раз вечером и скажет, что уже достаточно надышалась... Свекровь, которая тоже возилась насчет ужина, неслышно подошла, встала за спиной.

– Ну что, потаскушка, думаешь, победила? Ничего у тебя не выйдет! Думаешь, ребёночком его к себе сможешь привязать? А вот фиг тебе, сучка проклятая!

Это было так неожиданно, что девушка сначала замерла. Потом медленно повернулась и уставилась на свекровь во все глаза.

– Что?!

У той был настолько невинный вид, что казалось неправдоподобным, что она только что произнесла эти дикие слова.

– Что ты, детка? – ласково переспросила она.

– Что вы сейчас сказали, повторите!

– Я говорю, с ножиком поосторожнее. Сынок его только-только заточил, не порежься с непривычки.

– Да вы что, шутите?

– Что такое, моя милая? – пожилая женщина подошла ближе, с беспокойством вглядываясь в лицо девушки, только фальшь в голосе у неё не совсем получилось скрыть. – Что-то ты бледная. Ты себя хорошо чувствуешь?

– Что вы сейчас сказали, повторите! – крикнула девушка. От неожиданности и волнения её затрясло мелкой дрожью.

– О-о, да тебе плохо совсем! Ну-ка давай, ложись! Сейчас я тебе чайку сделаю...

Свекровь, не слушая возражений, подошла, потянула её из-за стола, отвела, уложила... И через пару минут уже принесла чашку душистого чая.

– Мама, что случилось? – напугался Андрей, когда, вернувшись в дом, увидел, что жена лежит. Сгрузив дрова к печке, он подошёл к Ниточке, с тревогой вглядываясь в её осунувшееся лицо.

– Да сама не знаю, сынок! Плохо ей стало... Картошку чистила, и вдруг заволновалась, будто я сказала что-то, закричала даже, бедняжка. Вот я её и уложила.

– Но вы же сказали! – девушка в негодовании приподнялась на локте. – Я же слышала!

– А что ты слышала? – спросили сын и мать в унисон.

– Я... – она осеклась. Не смогла заставить себя повторить это всё. Она смотрела на свекровь, встревоженную, удивленную, и ей самой не верилось в то, что эта приветливая и заботливая женщина что-то такое сказала.

Наши дни

Виталий в неформальном общении оказался гораздо более приятным человеком, чем в рабочей обстановке.

Когда Кристина заявила, что сын владелицы АТП ей нравится, и она твердо намерена сойтись с ним поближе, я долго не могла её понять. В офисе он был сухим и очень деловым. Виталий совсем не относился к числу тех руководителей, которые порой разбавляют серьёзное общение шуткой – все его интересы сводились исключительно к интересам дела, видимо, это было их отличительной семейной чертой.

Да к тому же на работе рядом с ним постоянно реял призрак Ящерицы. Она во всё совала нос, всё контролировала, и ни одно мало-мальски важное событие без неё не обходилось, а это, понятное дело, являлось дополнительным мощным отпугивающим фактором.

Но не для Кристины. Я смотрела, как они общаются и только теперь замечала то, что моя подруга, похоже, разглядела сразу.

Виталий приехал за нами на своём джипе, ровно через полчаса, как и обещал. Мы, (вот чудо-то!) умудрились к этому времени быть готовыми. Правда, немалую роль сыграли старания Кристины, которая торопила и подгоняла нас, в противном случае мы могли бы и до сих пор находиться в полуразобранном состоянии. Одна мысль о том, что наступил благословенный вечер пятницы, как-то расслабляла, и совсем не способствовала активным действиям.

Наш начальник вежливо поздоровался со мной и с Аней, после чего наклонился к Кристине и нежно её поцеловал. Правда, видно было, что ему немного неловко, всё-таки мы работали на его фирме, подчинённые, так сказать, сотрудницы. Точнее, на фирме его мамы, но, тем не менее, это смущение даже добавило ему очков – оказывается ничто человеческое ему не чуждо.

Очень мило было с его стороны позаботиться о нас. Когда он плавно вывел машину из двора, сказал:

– Кстати, Кристин, у тебя в ногах пакет. Это вам в дорогу, чтобы не скучали, а то ехать почти час...

– О-о, вот это здорово! – обрадовалась Анька. – Спасибо, Виталий Андреевич!

– Можно без отчества? – поморщился он. – Мы же всё-таки на отдыхе.

– Мы только за! – согласилась я, дёрнула за колечко, открывая банку и подумала, что хороши мы будем, когда приедем, раз уже дома начали. Но что поделаешь? Когда отрываться, если не в пятницу?

Краем глаза я заметила, как Виталий взял Кристину руку, положил её на рычаг переключения скоростей, и накрыл своей ладонью, да так и ехал. Вот оно как, оказывается! Сплошная милота.

В приоткрытое окно задувал весенний ветерок, погода стояла шикарная, и, глядя на эту парочку, я почувствовала, что тоже хочу прижаться к чьему-то плечу... Хочу, хотя год назад мне казалось, что подобные желания больше не посетят меня вообще никогда...

Дорога до дачи, где, собственно и планировалась вечеринка, занимала около часа исключительно в понимании Виталия. Кристинуна малолитражка, а соответственно, и моя тоже, при такой скорости точно сложила бы колеса, как только мы свернули с трассы на проселочную дорогу. Когда-то там, конечно был асфальт... Хотя я с такой скоростью гонять по просёлкам не решаюсь в принципе.

Зато на самом участке всё было ровненько и гладенько, а большой дом с его белыми стенами, окнами в пол и кованым драконом на крыше выглядел гостеприимно и круто. Виталий высадил нас у крыльца, и обратился к Кристине:

– Малыш, покажешь девочкам дом? Я пока машину поставлю.

– Нет-нет! – быстро отказалась я. – Если не возражаешь, мы сначала тут немного осмотримся.

– Как хотите, – улыбнулся он. – Кристина вам всё покажет.

– Охренеть! – заявила Анька, когда мы, сделав круг почёта по участку, вернулись к крыльцу. В сам дом мы пока не заходили, но и без него было на что посмотреть. Площадка перед домом выложена плиткой, в середине клумба с пышным кустом на котором должны были расцвести пионы, легкая белая мебель у входа.... Никаких, упаси Господи, грядок и тепличек, всё исключительно для отдыха. Выложенная желтым кирпичом дорожка вела за здание, и оттуда слышались смех и голоса. Вторая тропинка через десять метров упиралась в песчаный пляжик, за которым разлеглось большое спокойное озеро. Всё ухожено, везде чисто, красиво.

– Персональный пляж, надо же! – вздохнула я, трогая прохладную воду. Если не считать звуков праздника, доносившихся с другой стороны дома, вокруг было очень тихо. Участок со всех сторон, кроме озера, ограждал высокий глухой забор, и он словно отрезал эту землю от всего остального мира. Воздух после городского казался волшебным. К свежему запаху воды примешивался дразнящий аромат дыма и шашлыка.

– Девчонки! – поторопила нас Кристина. – Пойдёмте в дом!

Мы с Аней поднялись на крыльцо, и она, как гостеприимная хозяйка, распахнула перед нами двери.

Нам с Анькой отвели замечательную комнату на втором этаже, с видом на двор и озеро.

– Устраивайтесь и спускайтесь, – сказала Кристина. – Встретимся внизу через десять минут, – и она плотно прикрыла дверь их с Виталием спальни. Секундой позже оттуда донесся счастливый девчачий визг.

– Офигенное местечко! – поделилась со мной Аня. – Тебе какая кровать больше нравится?

– Жёлтая, – ответила я, выкладывая из сумки косметику на туалетный столик.

– Вот и хорошо, а мне зелёная. Хм-м, интересненько, что это за брат такой у нашего Виталия...

– А ты, я смотрю, уже губу раскатала! И вообще, чего ты удивляешься, если Виталий при деньгах, значит, и его брат тоже должен быть, – фыркнула я. Признаться, такой шик меня тоже несколько ошеломил. Когда сказали, что едем на дачу, я поначалу намеревалась обрядиться в джинсы и кроссовки, но Кшися велела надевать платье и туфельки. Теперь я понимала почему.

– Да мало ли... Вдруг они поругались, и Ящерица лишила его наследства?

– Какого наследства, Ань? Она же ещё не умерла!

– А! Ой! Ну да... Я имею в виду, что Виталий у нас работает, и мы знаем, откуда у него в кошельке шуршунчики заводятся, а насчет Филиппа этого мы ничего не знаем...

– Ну, то, что вряд ли он живет в лачуге и дошиками питается – это можно предположить.

– Да-а-а, – протянула Анька, раскинувшись на кровати, и разглядывая потолок. – Одно дело – предположить, а другое – собственно... глазо в этом убедиться! Интересно, что он из себя представляет?

– Ага, а ещё тебе интересно, нравятся ли ему голубоглазые блондинки! – в шутку поддела я.

– В точку! – прямолинейно согласилась Аня, и бодро вскочила с кровати. Откровенно говоря, мне тоже было очень любопытно увидеть, что это за брат такой у Виталия?

Мы быстро привели себя в порядок и спустились в гостиную. Просторное помещение, выдержанное в стиле охотничьего домика, с классической шкурой перед камином, и оленьими рогами на стенах. Все стильно, дорого, и везде такой порядок, что невольно хотелось вытереть ноги и не оставлять следов.

– А, девчонки уже здесь! – информировала Кристина шедшего за ней Виталия. – Чудненько, пойдёмте знакомиться с остальными.

Видно, что она неоднократно бывала здесь, и чувствовала себя, в отличие от нас, довольно раскованно.

Мы вышли в свежий весенний вечер, обогнули дом. На заднем дворе в центре лужайки, засеянной мягонькой газонной травкой, стояла просторная шестигранная беседка с черепичной крышей. В беседке расположился добротный широкий стол, тяжелые деревянные скамьи, а чуть ближе к выходу стоял превосходный мангал, то ли с самого начала задуманный как нечто грандиозное, то ли сделанный на заказ. Немного в стороне от беседки, в красивом каменном

очаге пылал костер, вокруг которого была расставлена самая разная мебель, от шезлонгов до складных кресел.

Народу там было! С перепугу мне показалось, что человек двадцать, а никак не шесть, про которых говорила нам Кристина! Причем чувствовался некоторый перевес в сторону мужского пола, так что скучать нам с Анькой явно не придется.

– О-о, ну наконец-то! – от мангала отошел парень, удивительно похожий на Виталия. – Наконец-то мой братишка добрался до нас!

Он подошел первый, обнял Виталия, поцеловал в щеку Кристину.

– Знакомьтесь, мой брат Филипп.

– Катя, – улыбнулась я. – Ой!

Я не ожидала, что меня он тоже захочет поцеловать в щеку. Смутилась, неловко мазнула губами по его гладко выбритому подбородку. Фил, заметив мою реакцию, легко рассмеялся:

– Какая скромная милая девочка! А ты такая же? – это он уже обратился к Аньке.

– Я не такая! – фыркнула она, с готовностью подставляя щеку. Получилось двусмысленно и забавно. Подруга решительно чмокнула парня в ответ, но когда он уже отстранялся, чуть задержала: – М-м-м, какой парфюм!

Она потянулась ближе, чуть не касаясь носом его шеи. На лице Филиппа заиграло игриво-кошачье выражение.

Парфюм у него и в самом деле был волшебный, и очень ему шел, но от того, что моя подруга так сразу сделала на него стойку, и начала атаку с первых секунд, мне стало неприятно.

Филипп с Виталием были очень похожи. При одном взгляде становилось ясно, что это братья, но и различия, как ни странно, тоже сразу бросались в глаза – Филипп был ниже и полегче брата, чуть посветлее волосы, и глаза не серые, а голубые. Мимика у него была гораздо выразительнее, да и вообще в нем напрочь отсутствовала холодная вежливость Виталия, и его привычка держать всех на расстоянии, позволяя нарушать дистанцию лишь самым близким. Если сравнивать, то Виталий был луной, а Филипп солнцем.

И он понравился мне! Понравился с первого взгляда. Сам по себе, независимо от окружающего антуража, принадлежности к этой шикарной даче и одной из тех дорогих машин, что стояли в гараже. Он был живой, теплый, обаятельный, с открытой улыбкой, на которую я сразу купилась.

А тут Анька в два слова переключила все его внимание на себя, не дав мне даже шанса попытаться! Чёрт!

Раньше у нас с ней никогда не было проблем из-за мужчин. Нам просто некого было делить, нам нравились совершенно разные парни. Беда в том, что Филипп не соответствовал ни моему типу, ни её – он был сам по себе. И нравился сам по себе.

– Это Борис, и его девушка, Алёна, – продолжал между тем знакомить нас Виталий. Борис, крупный мужчина с кудрявой головой и в стильных очках без оправы. Алёна, длинная и худая, как богомол, с шикарным конским хвостом. Оба приветливо улыбнулись, так одинаково, словно являлись призёрами чемпионата по синхронным улыбкам.

– Паша, Денис, – парни вольготно раскинулись в шезлонгах и потягивали пиво, коим и отсалютовали нам в знак приветствия.

– Гера и Юля, – худенький невысокий Гера ловко насаживал мясо на шампуры, для следующей партии. Миниатюрная блондиночка Юля рядом на столе нарезала помидоры. Гера в знак приветствия поднял шампур, Юля – нож.

– Илья, Роман, и наша очаровательная Света, – длинноволосый небритый Илья поворачивал мясо над мангалом. Он кивнул нам, не вынимая сигареты, зажатой в зубах и щурясь от дымовой смеси от окурка и углей, чадающей ему в лицо.

Света, обладательница геометрически правильного каре и огромных голубых глаз предложила нам пива. Определение «очаровательная» и в самом деле очень ей подходило. Улы-

баться хотелось уже при одном взгляде на её весёлое лицо. Вадим, полный парень с нежным румянцем на щеках, галантно открыл нам это самое пиво. Из-за своего румянца и несколько инфантильного вида, он казался намного моложе, чем был на самом деле.

– Ну и наконец, Серёга и Алина, – Сергей, симпатичный, в чем-то внешне схожий с Виталием, пожал ему руку. Мне показалось, что при этом он виновато пожал плечами. Нам с Анькой он едва кивнул. Девушка Алина, холёная, с длинными белыми (явно ненатуральными) волосами, поднялась из шезлонга, подошла, томно виляя бёдрами, и, единственная из всех девушек, поцеловала Виталия в щеку.

Невооруженным взглядом было видно, что она в этой компании – паршивая овца. Собравшиеся здесь ребята выглядели простыми и доброжелательными, эта же мадам с первого взгляда заставила меня сморщиться своей манерностью и высокомерием. Нас она нарочито проигнорировала, на Кристину бросила полный вызова взгляд и изобразила на лице гримасу, которую с большой натяжкой можно было бы назвать полуулыбкой.

Я, в своем стильном тёмно-сливовом платье, с широким светлым поясом и в тон подбренных туфельках, ощутила себя прямо-таки лохушкой.

– Обычно такая заносчивость является признаком крайней закомплексованности и неуверенности в себе, – с ядовитым шипением откомментировала Анька, склонившись к моему уху. Я заметила, что она тоже непроизвольно оправила юбку. Алина, упорно не замечая никого вокруг, смотрела Виталию прямо в глаза.

– Здравствуй, дорогой.

Мужчина же при виде этой красотки превратился в статую. Девушка отошла от него, и снова красиво упала в своё кресло. Нас, в том числе и Кристину, она так и не удостоила ни единым взглядом.

Я готова была поклясться чем угодно, что это бывшая Виталия! Глаза Кристины, метавшие молнии, и её прикушенная нижняя губа – только подтвердили мои подозрения. Вот только что она здесь делает? М-да, насколько я знаю свою подругу, гроза не за горами...

На мой взгляд, Кристина в сравнении только выигрывала. Алина перебарщивала со всем – с загаром, с макияжем, с наращенными волосами, ногтями, ресницами, даже с каблуками... На ней были совершенно умопомрачительные туфли на здоровенной платформе и с тонюсенькими шпильками. Нет, конечно, мы тоже каблучками не пренебрегали, благо ровная плитка под ногами это позволяла, но в её случае наблюдался явный перебор! И дело вовсе не в том, что я просто люблю свою подругу и принимаю её сторону!

Поймав себя на том, что я слишком долго её рассматриваю, я отвернулась и подошла к Аньке, которая уже вовсю улыбалась Филиппу.

Интересно, что предпримет Кристина? Вряд ли она уже успела рассказать Виталию о том, что случилось днём, но, зная её, молчать точно не будет. И присутствия "бывшей" своего парня категорически не потерпит.

Старая история...

Вот так начался её персональный ад.

После той выходки свекровь ненадолго затаилась – смотрела, какая будет реакция. А Ниточка не знала, что и думать. Это было настолько дико и неправдоподобно, что ей и самой порой казалось, что ничего не было – просто фантазия разыгралась, вдруг ни с того ни с сего померещилось. Всё-таки беременность – дело такое, бывает и в голову отдаёт, у всех по-разному, мало ли...

Но, поневоле тщательно наблюдая за пожилой женщиной, она стала замечать, что та совсем не такая, какой хочет казаться. Что, когда мать мужа думает, что её никто не видит, благостное и приветливое выражение на её лице бесследно пропадает – а на смену приходят злоба, хитрость, и непримиримое упорство. Страшным становилось её лицо. Настолько страшным, что девушке стало нестерпимо оставаться один на один с этой... ведьмой.

Лишь при взгляде на сына, лицо свекрови прояснялось – на нём проступали и нежность, и любовь, и отчаянное обожание единственной своей кровиночки, единственного во всём мире родного, милого, бесконечно любимого сына.

Девушке стало невыносимо находиться на даче. То, что задумывалось, как отдых, постепенно превратилось в кошмар. Свекровь, убедившись, что невестке одного предупреждения было мало, спустя несколько дней отмочила новую выходку.

Андрей был в городе, и собирался в этот день вернуться поздно. Женщины приготовили ужин в напряженной обстановке. Свекровь, как всегда нарочито хлопотала, причитала вокруг неё, но девушка с трудом находила в себе силы даже просто молча улыбаться, не то, что поддерживать беседу. Пожилая женщина упорно делала вид, что ничего не замечает. Когда начали накрывать на стол, Ниточка сказала:

– Вы, пожалуйста, садитесь, ужинайте, а я сейчас не буду.

– Что это ты, дочка? – всплеснула руками свекровь. – Что это с тобой? Почему есть отказываешься?

– Я не отказываюсь, – устало возразила та. – Вот приедет мой муж, я с ним и поем.

– А, вот как... – пожилая женщина на секунду отвернулась, но не успела скрыть очередного выражения злобы на своем лице. Правда она тут же взяла себя в руки и сложила губы в самую добрую и кроткую улыбку. – Ну конечно ты права, моя милая! Ну конечно права! Он приедет, и мы все вместе сядем ужинать! Это правильно, вечером вся семья должна собираться за столом!

Ниточка чуть не застонала от расстройства. Она так надеялась, что к тому времени, когда муж вернется, свекровь уже ляжет спать, и никак не предполагала, что та тоже решит ждать его позднего возвращения!

– Да, конечно, – кисло кивнула Ниточка, выходя из кухоньки.

Она устроилась с книжкой на диване. Не прошло и десяти минут, как свекровь тоже пришла к ней в комнату с вязанием.

– Не могу в своей комнате рукодельничать! – пожаловалась она, поудобнее устраиваясь в кресле. – Лампочка еле светит, а у меня петли мелкие, аж глаза болят!

– Хотите, я вам лампочку поменяю? – с готовностью предложила девушка.

– Что ты! – свекровь замахала на неё руками. – Что ты! Лампочка под самым потолком! А тебе руки так высоко поднимать нельзя, мало ли малыш перевернётся? И мне самой ни в жизнь туда не дотянуться! Так что посижу уж сегодня тут, с тобой. А сынок потом поменяет, как время будет.

Ниточка закусила губу. К счастью, такие моменты как этот, были достаточно редкими. Обычно муж не задерживался так надолго, приезжал сразу после работы, и вечера они проводили вместе, хоть и в неизбежной компании его мамы, которая под любыми предлогами готова была помешать их уединению.

Но сегодня ему пришлось надолго остаться в городе – он показывал комнату в коммуналке, бывшее пристанище его жены, сразу трём претендентам. С деньгами в семье было плохо. Ниточку с работы уволили, как только она сказала про своё положение. Не по закону это было, но что она могла поделать? Так растерялась, когда ей предложили написать заявление «по собственному»... Причем популярно объяснили, что если она откажется, то может очень об этом пожалеть. Кадровичка, сверля девушку лютым взглядом, намекала на проверки, комиссии, аттестации, которые невозможно будет пройти... Ей, беременной, оно надо? И девушка, не

особо умеющая постоять за себя, написала всё, о чём просили. Правда, при выплате расчёта, ей накинули некую сумму сверху, и даже довольно неплохую, но её всё равно надолго не хватило!

И теперь Андрею, который слова не сказал жене насчет увольнения, приходилось каждый день ломать голову, где бы раздобыть ещё денег. С аренды комнаты тоже будет хоть небольшая копеечка...

В дачном домике было две комнаты и крохотная кухонька. Большее помещение занимали Ниточка с мужем, в меньшую, смежную спальню, имевшую выход ещё и в прихожую, заселилась мама. К общей двери придвинули шкаф, изолировав комнаты друг от друга.

Завтракали, обедали и ужинали обычно у молодоженов. Кухня была такой маленькой, что даже готовить там в четыре руки было непросто, поэтому самая большая комната служила и столовой, и гостиной, и спальней молодым супругам с приходом ночи.

И сейчас свекровь явно пользовалась сложившимся положением. Ниточка с отчаянием думала, что та нарочно сидит именно здесь. Она же наверняка понимает, что её постоянное присутствие не может не утомлять, не вызывать раздражения. Все эти сладкие ужимки, вся эта показная забота...

Господи, как же она устала! Как ей хочется в город, прочь отсюда! Прочь от горящих ненавистью глаз, от пожираемой ревностью души! Хватит с неё, хватит! Она же собиралась сказать Андрею, что хочет уехать ещё неделю назад!

Да, решено, она скажет ему это сегодня же вечером. Пусть мамаша остается тут, и дышит своим свежим воздухом, сколько влезет! Хоть до поздней осени. А ещё лучше до зимы! А если уж совсем хорошо – так пусть живет тут постоянно!

Ниточка почувствовала, как ногти впились в ладонь, а зубы сжались так, что челюсти стало больно. Что это она, в самом деле? Девушка глубоко вздохнула, с удивлением понимая, что в глазах стоят слёзы. Ещё бы немного, и она расплакалась!

Надо взять себя в руки. Надо же, так раскисла, совсем расклеилась! Подумаешь, старая тётка бесится, что у неё сына уводят. В конце концов, её тоже можно понять! Ведь она потеряла всех, всю свою семью, он один остался, немудрено, что она трясется!

А она, Ниточка, совсем уж до ручки дошла! Вот уж точно – крыша едет. Надо срочно успокаиваться – нечего в своей душе растить такую же ответную злобу! Она и в самом деле должна понять, должна проявить больше сочувствия. Ведь это его мать, и Андрей любит её! И она, Ниточка, тоже должна позаботиться о том, чтобы в семье был мир и покой. Рано или поздно женщина поймёт, что её ребёнок вырос и не может больше быть пристегнут к маминой юбке. И ещё она поймёт, что никто не собирается её бросать. Они будут её навещать, и тогда, когда наконец-то смогут переехать. И заботиться о ней будут, будут обязательно!

Но сейчас надо просто немножко от неё отдохнуть. Нельзя злиться на мать за то, что она слишком любит своего сына. Просто надо сделать перерыв. Побывать им с мужем только вдвоём, хоть пару недель – и сразу станет намного легче!

Ниточка автоматически погладила книжные листы. Она снова улыбалась. Она радовалась, что смогла успокоиться, прогнать это ужасное истерическое состояние. Мысль о том, что она поговорит с мужем и скоро уедет отсюда её успокаивала. Андрей поймет, обязательно поймет, должен понять! И вообще, в конце концов, иногда надо и выполнять капризы беременной женщины!

– Ах! – воскликнула свекровь. Клубок пушистой сиреневой шерсти, из которой она вязала, соскользнул с её колен, и укатился под диван. – Вот я растяпа!

Она принялась тяжело подниматься.

– Сидите! – Ниточка вскочила. – Я достану.

– Куда ты, дочка! Ещё чего не хватало. В твоём-то положении...

– В моём положении абсолютно ничего плохого не произойдёт, если я достану клубок, – мягко возразила девушка, опускаясь на колени. Только что принятое твердое решение придало ей сил снова общаться со свекровью приветливо и ласково. Она заглянула под диван – нитки лежали совсем рядом. Ниточка взяла пряжу, оперлась рукой, чтобы подняться, другой осторожно придерживая свой заметно подросший живот, но вдруг девушка ощутила, как старческие пальцы крепко ухватили её за волосы у затылка, заставляя снова склонить голову к полу.

– Что? – растерялась она. – Что вы делаете?

– Ну, дрянь, – голос женщины больше напоминал шипение, – что, расслабилась? Страх потеряла? Решила, что тебе померещилось?

Свекровь сильно тянула её за волосы, заставляя медленно поворачивать лицо в свою сторону.

– Отпустите меня! Вы что, совсем уже? – девушка запрокинула голову как можно дальше назад, старалась осторожно дотянуться руками до держащих её пальцев. Она и в самом деле боялась запрокидывать руки, напуганная рассказами о том, что от таких движений ребёночек может перевернуться.

– Я – совсем? Ах ты, дрянь! – старуха тряхнула её, да так, что Ниточка чуть не взвыла. В сухих скрюченных пальцах, сведенных судорогой ненависти, оказалось столько силы! – Ты мерзкая маленькая потаскушка! Девка вонючая! Думаешь, я не знаю, как ты моего сынка каждую ночь ублажаешь? Думаешь, не слышу оттуда, как ты стонешь, как последняя проститутка?

Ниточку бросило в жар при мысли о том, что старая карга подслушивала. Появилось мерзкое чувство, что её пустили голой по улице.

– Мерзота ты! Тварь! Думаешь, он мать на тебя променяет? Думаешь, принесёшь ему в подоле, так и всё, меня побоку? А вот хрен тебе собачий! Ты его не получишь!

В этот момент свекровь окончательно развернула Ниточку к себе и та разглядела её лицо. Оно, это лицо, было дикое. Нечеловеческое. И на этом сведенном злобой лице страшно пылали совершенно больные глаза.

– Отпустите меня! – девушка отчаянно рванулась, но злобные пальцы держали очень крепко. Затрещали волосы, она вскрикнула от боли, но не смогла даже пошевелить головой. Из глаз сами собой покатались непрошенные слёзы.

– Плачь, гадина, плачь! Рыдай, тварь, хоть тебе это и не поможет! Я тебя не пожалею. Ведь ты меня не жалеешь, гадина! Пришла, чтобы забрать его у меня, а у меня только он один и есть! И я тебе его не отдам!

Девушка снова отчаянно рванулась, и снова без толку.

– Ах, ты ещё рыпаешься, дурёха? Замри, я сказала! – с этими словами пожилая женщина схватила спицу и нацелила её девушке прямо в глаз. Ниточка забилась, задёргалась, но старуха держала её так крепко, с такой силой, на которую способны только совершенно неменяемые люди. Девушка зажмурилась, и с ужасом ощутила, как острый кончик спицы прижался к веку.

– Дура ты! – упивалась свекровь. – Дура! Тебе надо было бежать отсюда ещё после моего первого предупреждения. Я ведь ясно тебе сказала – ты его не получишь! А ты осталась! Ты решила тягаться со мной! Со мной! С его матерью! Но нет... Нет! Не удастся тебе это! Слышишь? Не удастся... Вот проткну тебе глаз сейчас, и посмотрим, будет ли он любить такое пугало... Такое лихо одноглазое!!!

Ниточка последним отчаянным рывком подалась назад и в сторону, кое-как увернувшись от острой спицы. Свекровь потеряла равновесие, и с воплем повалилась на колени. Пока она, выкрикивая совсем уж непотребные вещи, кряхтя и причитая, поднималась, девушка, не помня себя от ужаса, вскочила и побежала в сени.

Одним движением скинула тапочки, сунула ноги в босоножки, даже не пытаясь их застегнуть, схватила висевшую на крючке сумку, а с вешалки – первый попавшийся плащ, и выскочила на улицу.

Сначала просто бежала, плача, не разбирая дороги. Потом у неё слетела босоножка, и она с ходу наступила на какой-то острый обломок. Нестерпимая боль ударила в ногу, Ниточка рухнула на колени, и разрыдалась, судорожно прижимая к себе впопыхах схваченные вещи.

Спустя некоторое время ей удалось немного успокоиться. Она осторожно встала – из распоротой пятки капала кровь. Морщась, надела упавшую босоножку, застегнула. Попробовала. Неприятно, конечно, но идти можно.

Она осмотрелась, куда это её занесло. Оказалось, что в панике она убежала в самую дальнюю и старую часть дачного поселка. Домики здесь были совсем ветхие, сюда мало кто приезжал. Вокруг стояла тишина, лишь в отдалении кто-то стучал топором, да звенел где-то сигнал велосипеда. Неудивительно, что никто к ней не подошёл.

Кое-как, утирая постоянно набегающие слёзы и придерживая разболевшийся живот, она побрела к станции. Она встретит мужа. Она всё ему расскажет. Она больше никогда ни за что не останется наедине с этой полоумной!

Ниточка зябло повела плечами, потом вспомнила, что у неё в руках есть одежда – это оказался плащ Андрея. Он был ей совсем велик, и свисал с плеч, зато надёжно укутал её. От плаща шёл такой родной запах, его запах... Ниточка улыбнулась, потёрлась щекой о воротник. Они справятся с этим. Вместе они справятся.

Девушка добралась до станции, и тихо присела на лавочку. Ей было плохо, подташнивало, очень хотелось лечь в постель. Она чувствовала себя смертельно уставшей, разбитой и больной, и всё-таки терпеливо ждала мужа.

Ей повезло. Ждать пришлось недолго, всего через сорок минут он сошёл с электрички. Такой родной, такой любимый! Он совершенно не думал её здесь увидеть, и поэтому чуть не прошёл мимо, девушке пришлось его окликнуть.

– Ниточка? – поразился он. Лицо озарилось улыбкой, которую тут же словно стерли, когда он лучше разглядел свою жену. – О господи, милая, что с тобой? Что случилось? Почему ты здесь? Где мама?

– Андрей, послушай... – она хотела ему всё рассказать! Хотела! Но при слове «мама» в горле сам собой возник комок, а потом вырвалось рыдание. Слёзы брызнули из глаз.

– Ниточка, малышка, ты что? Что случилось? Что-то с мамой? – он совершенно растерялся. Андрей усадил жену на лавочку, обнял, принялся гладить, но её била дрожь, из горла вырывались только рыдания, когда она пыталась хоть что-то сказать.

Девушка поняла, что просто не может, ну физически не может сейчас всё ему объяснять. У неё самой не укладывалось это в голове! Ей было плохо, очень плохо. И ещё она совершенно точно знала, что не вернется на эту проклятую дачу!

– Увези меня! – наконец-то удалось выговорить ей.

– Что?

– Увези меня, слышишь? Прошу тебя, увези меня отсюда! Я тут больше не могу!

– Хорошо, хорошо! – торопливо согласился он. – Ты мне только объясни, что произошло? Почему ты сидишь тут, одна? В моём плаще? Где мама? Что с ней?

– Да всё в порядке с твоей мамой! – выкрикнула она. – Это мне плохо, понимаешь ты? Мне!!! Увези меня отсюда! Прямо сейчас! Ну, пожалуйста, Андрей, прошу тебя!

Она не говорила – она кричала. Редкие поздние прохожие стали оборачиваться, кое-кто не преминул подойти поближе, посмотреть, послушать, что это такого интересного происходит в поздний час на обычно тихой дачной станции?

– Увези, увези, увези! – твердила девушка, как в лихорадке.

– Малышка, милая моя, успокойся! – муж попытался хоть как-то её образумить. – Успокойся, прошу тебя. Слышишь? Ты вся дрожишь! У тебя жар! Да послушай же меня! Успокойся! Ведь это вредно для ребёнка!

– Да! Ребёнок! – Ниточка схватила его за руки. Глаза блестели, как в лихорадке, зубы стучали. – Да, Андрей, да! Это очень вредно для ребёнка! Слышишь? Очень вредно! Ребёнку нельзя иметь дело с психами! Поэтому увези нас! Немедленно!

Мужчина испугался не на шутку. У его жены было совершенно дикое состояние, она несла какой-то бред. И потом, её так трясло... А они здесь, на даче... Чёрт побери, тут даже доктора нет!

Он решил.

– Конечно, милая, – Андрей старался, чтобы его голос звучал спокойно. Он хотел, чтобы она слушала его, и верила ему, чтобы она наконец-то пришла в себя. – Конечно! Вон идёт электричка, на ней мы сейчас же поедем в город, да? Поедем? Ну, вот и славно. Вытирай слёзки...

Когда он сказал это, Ниточка сразу стала намного спокойнее. Электричка и в самом деле показалась из-за поворота, девушка несколько раз глубоко вздохнула и слабо улыбнулась. Сейчас муж отвезёт её далеко отсюда. Далеко-далеко от сумасшедшей, которая чуть не выпустила ей глаз спицей, которая ненавидела её так, что голова была изувечить, а может даже и убить... Несмотря на то, что она носила под сердцем её внука!

Андрей обнял жену и медленно повел по перрону. В этот поздний час вагоны были практически пустыми, и они уютно устроились у окошка. Ниточку по-прежнему трясло и знобило, на лбу выступила липкая испарина, но ей было всё равно. Вот они доедут до дома, и всё будет хорошо...

Как они добрались, она уже не помнила. Не помнила, что в электричке ушла в глубокий обморок, который Андрей по ошибке сначала принял за обычный сон. Не помнила, как он с ужасом тормозил её, когда они приехали, как вёл до такси, а люди смотрели на них с непониманием, а то с презрением, видя, как беременная еле передвигается на заплетающихся ногах, и с трудом выговаривая слова, твердит одно и то же: «Домой... Отвези меня домой, Андрей!». И лишь немного женщины провожали эту пару понимающими взглядами.

Он хотел было обратиться к врачу на вокзале, но растерялся и не знал, где его найти, поэтому решил, что лучше вызовет медика, как только они доберутся.

Дома он сразу уложил жену в постель, заботливо укутал одеялом и бегом побежал к ближайшему автомату – вызывать «скорую». Так страшно ему давно уже не было. Он видел – что-то произошло с его нежной маленькой Ниточкой. Что-то ужасное, ужасное настолько, что она в почти невменяемом состоянии. Как она вообще оказалась на станции? Почему в таком виде? Ничего, с этим он разберется позже. Может быть, мама что-то об этом знает...

Врачи «скорой», посмотрев на его жену, переполошились. Ей сделали укол, бережно уложили на носилки и увезли, но этого она уже не помнила. Стоило ей попасть домой, как какая-то неведомая пружина, что держала её внутри, отпустила, и она плавно скользнула в забытье.

У девушки констатировали тяжелейший нервный срыв. Депрессию. Угрозу прерывания беременности. До родов ей так и не пришлось больше побывать дома. Все оставшееся время она провела в больнице, на сохранении, под самым пристальным наблюдением врачей.

Пока, наконец, очень ранним сентябрьским утром не родился мальчик.

Наши дни

– Ты на кой черт её приволок? – тихо и яростно скандалил Виталий, зажав Сергея между стеной дома и какими-то кустами. Говорить он старался негромко, но я сидела слишком

близко, и поэтому бессовестно подслушивала. Тем более что Виталий, когда позвал друга на пару слов, отлично видел, что я там сижу.

– Никуда я её не волок! – возмутился тот.

– Тогда откуда она здесь взялась? Скажи ещё, сама пришла?!

Алина, о которой они разговаривали, вяло наблюдала, как Роман с Павлом играют в бадминтон, азартно размахивая ракетками. Погода была как раз на редкость подходящая – абсолютно безветренная, перистый воланчик описывал стремительные белые дуги в надвигающихся майских сумерках. За те полчаса, что мы здесь находились, эта девица пока никак себя не проявила, если не считать того, что почти повторила Анькин трюк с туалетной водой. Улучив момент, когда Кристину кто-то позвал, она подошла к Виталию, потянулась к нему, вдыхая запах, и томно протянула:

– О, ты носишь всё тот же парфюм, который мы с тобой выбирали?

– К тебе это не имеет отношения, – холодно ответил Виталий и отошел.

После чего припер к стенке Сергея, причем в прямом смысле, и устроил ему разнос по всей программе. Тот даже испугался, по-моему, но отвечал что-то странное.

– Вот именно, что сама! Я собирался ехать, когда она свалилась как снег на голову! Сказала, что ты сам её позвал!

– Я?! – от возмущения и неожиданности Виталий аж повысил голос.

– Не ори! – шикнул Сергей и аккуратно снял руки друга со своего свитера, за который тот его схватил. – Она сказала, что её позвал ты!

– Как это?!

– А вот так! Я сидел в машину, уже собирался выезжать, как вдруг она припылила. Непонятно откуда выскочила, такое ощущение, что за кустами караулила! Радостная такая, ой, говорит, хорошо, что успела, мол, Виталий пригласил за город, на вечеринку, но поскольку едет после работы ещё по делам, то сам забрать не может. Сказала, что это ты велел её привезти... А у неё деньги на трубе кончились, так она из-за этого позвонить мне не могла и предупредить. Бежала, мол, бегом, боялась опоздать... Как только ноги не поломала?

«Вот-вот», – подумала я, – «На таких ходулях особо не разбегаешься. Интересно, кто ей инфу слил?».

– Узнаю, кто всё это устроил – прибыю! – тихо и зло пообещал Виталий, причём таким голосом, что мне сразу стало ясно – не врёт! А наш босс, оказывается, совсем не такой холодный и спокойный, каким кажется. Сергей, видимо, знал его нрав лучше, так как на всякий случай ещё раз уточнил:

– Это не я! Я с ней вообще не общаюсь! Ты же знаешь, она мне никогда не нравилась!

– Знаю я, знаю, – согласился Виталий. – Ты извини, что я так, Серёг! – он легко хлопнул друга по плечу. – Просто увидел её тут, прямо зло взяло. Да и как Кристине теперь объяснять не знаю!

– Да ладно, проехали, – махнул рукой Сергей, – я ж понимаю. Я тоже удивился, чего это ты её позвал. Даже испугался, что вы с Кристиком поссорились. А она же лучше, чем эта... овца!

– Ещё как лучше! – с чувством согласился Виталий.

– Да... Я вообще не понимаю, как ты мог на такую... Алину повестись?

– Да не вёлся я! В клубе подцепил как-то на ночь...

– И что? Из-за одного перепихона потом встречаться стал?

– Дурак, что ли? Нет, конечно! Так, от нефиг делать звал иногда. Она... кхм... на флейте так играет, что закачаешься... – пояснил он выразительно. – А больше вообще ни на что не годится. Ну, сводил её пару раз туда-сюда. Она-то, ясное дело, себе напридумывала фиг знает что, решила, что я с ней всерьёз замутил. У неё ж мозгов-то с грецкий орех. Подумала, наверное, что раз я ей сам звоню, то глубоко на неё запал, хотя я же ей сразу сказал – пару раз – и

разбежимся. Ну, одно время меня прикалывало, а потом эта дура мою маму подкараулила и заявила, что я жениться собрался... Представляешь, что у меня дома было?

Я прикинула, как Ящерица отреагировала на такую выходку и внутренне содрогнулась. Посочувствовала Виталию от всей души.

– Же-е-есть, – протянул Серёга. Видимо, характерец мамыши своего друга он тоже прекрасно знал.

– Не то слово! Вот я ей быстренько пинка под зад и оформил, тем более что как раз уже Кристина на горизонте возникла, и это барахло мне вообще на фиг нужно не было...

– Да уж. Любопытно, какая же падла ей тогда про наш шабаш накапала?

– Вот-вот, мне тоже, – согласился Виталий голосом, не сулящим «падле» ничего хорошего.

– Ладно, пошли, – потянул его Сергей, – а то нас там потеряли уже.

Они вышли из-за своего укрытия и направились к гостям. Я поискала взглядом Кристину. Она как раз снимала вилкой свежую партию шашлыка и выкладывала на большое блюдо.

– Одну не снимай, – попросила я, – люблю с шампура есть.

– Держи, – она улыбнулась, протягивая мне шампур за самый кончик, чтобы не обжечься. Мясо пахло потрясающе, сразу захотелось в него вцепиться всеми зубами, но я сдержала на минутку свой порыв, наклонилась к самому её уху и спросила:

– Скажи-ка мне, подружка, как у тебя обстоят дела с игрой на флейте?

От неожиданного вопроса Кристина аж подскочила.

– Ты что, мать, сдурела? Тебе-то зачем?

Я захихикала, довольная произведённым эффектом, а потом быстренько пересказала подслушанный разговор. Насчет того, как эта Алина появилась тут, Виталий ей и сам скажет, в этом я была уверена, а вот насчет того, как мастерски она умеет выделывать кое-какие штучки, он, скорее всего, и под дулом пистолета не признается.

– Так что давай, тренируйся, если что, – посоветовала я.

– Иди в пень! – ответила Кристина. Кажется, она немножко покраснела. – Всё я умею прекрасно!

Старая история...

Рождение ребёнка на некоторое время заслонило собой всё. Мальчик, крепкий, здоровый, такой пока ещё маленький! Ниточка смотрела на него, и на глаза от нежности наворачивались слёзы.

Теперь в её жизни было двое любимых мужчин.

Ещё лежа в больнице, на сохранении, девушка попыталась рассказать мужу о том, что произошло, но в его глазах она увидела страх и неверие. Неверие в то, что она говорила. В душе она понимала, что так и будет: как ни крути, а та женщина – его мать, и уж его-то она на самом деле любит, хоть и жуткой такой любовью. Она заботилась о сыне, была с ним ласкова, искренне переживала за него. Ну как тут поверить, что такой человек способен на совершение столь дикого, безумного поступка? А в том, что его мать, мягко говоря, не дружит с головой, Ниточка уже не сомневалась.

И ей было страшно, так страшно! Что она будет делать, как выпутываться из этой ситуации? Ведь сумасшедшая свекровь будет жить с ними в одном доме, под одной крышей! Мысль о том, чтобы отправить её куда-нибудь, в дом престарелых, или, ещё лучше, в дурку, конечно была такой соблазнительной! Но для дома престарелых та была ещё слишком бодра и энергична – это только Ниточка привыкла в своих мыслях называть свекровь старухой, ведьмой и

старой каргой. Да и не отправил бы Андрей ни за что на свете свою обожаемую маму в дом престарелых, а уж тем более в больницу, без самых веских на то причин.

А как ему доказать? Одна надежда на то, что рано или поздно сам что-то увидит, ведь слова его жены всегда будут истолкованы по-другому, всему найдется объяснение у хитрой ведьмы. Вон, как с той историей со спицей вышло: дескать, всё это бред, горячка, плод воспалённого сознания беременной женщины... Ей не поверил даже врач, которому она попыталась довериться!

Но когда мальчик родился, когда его, такого крошечного, принесли к маме, что-то в ней изменилось. Это её сын! Её, Ниточки, сын, и она будет любить, и защищать его, как сможет, от этого мира. И мужа она тоже любит. Они – её семья, и для того, чтобы сберечь, сохранить эту семью, она будет сильной! Она придумает, что противопоставить полоумной злобной мегере! О, в следующий раз она не испугается! Она ответит тем же!

А пока надо набираться сил и наслаждаться этим счастьем – быть вместе со своими любимыми! Первый месяц они провели только втроём – Ниточка настояла на этом. Андрей впервые видел свою хрупкую нежную жёнушку с такой твёрдостью и ожесточением отстаивающую свою точку зрения.

– Я всего лишь прошу, чтобы в первый месяц её с нами не было! – говорила она решительно. – Один месяц, Андрей! Я знаю, что ты мне не веришь, что думаешь, что тот случай был просто плодом моего воображения. Пусть так. Я всё равно ничего не смогу тебе доказать, но я требую, чтобы первый месяц мы прожили без неё. Погода ещё достаточно тёплая, она неплохо проживет и на даче.

Муж, конечно, попытался возражать, попытался даже скандалить и обидеться на неё, но Ниточка лишь сказала:

– Можешь мне поверить, если ты не сделаешь так, как я хочу, я заберу ребёнка и уйду. И не скажу тебе куда. Ты нас больше не увидишь.

Андрей понял по её лицу, что жена говорит абсолютно серьёзно. Понял и испугался. После того, как она забеременела, что-то поменялось в ней... По крайней мере, ему казалось, что это было связано с беременностью, а Ниточка понимала, что шокирует его, но готова была с этим мириться, до поры до времени.

Муж не рассказывал, как именно прошёл его разговор с матерью, но когда он забирал её с сыном из больницы, девушка увидела, чего ему это стоило – запретить матери появляться в городе. Её муж выглядел несчастным, и весь был какой-то взъерошенный, растерянный и печальный. В Ниточке всколыхнулось острое сочувствие к нему. Ей и правда было жаль, что всё так получается, и она старалась быть ласковой, отдавать всю свою нежность, всю любовь, на которую только была способна.

Наши дни

Чем дольше длился вечер, тем больше мне нравился Филипп. Не столько внешностью, хотя он был вполне симпатичным, сколько характером. Своим лёгким обаянием, своей приветливой, открытой улыбкой, своей расположенностью к людям. Он был очень уверен в себе, но эта уверенность родила в нём не заносчивость, а великодушие, умение общаться на равных с кем угодно, и не бояться чужого мнения. Он существовал по принципу: «моя жизнь – мои правила», и это выглядело невероятно круто.

И чем больше он мне нравился, тем больше висла на нём Анька. Она не просто видела, что я им очарована – я ей прямо сказала об этом. Оттащила в сторонку и тихонько сообщила:

– Знаешь, подруга, он мне нравится.

– А мне тоже! – задорно улыбнулась она, откидывая со лба свою дерзкую челку.

– Ань, я серьёзно! Филипп очень понравился мне. Тебе же так, поразвлекаться! Ты же через пару недель от него устанешь, что я, не знаю тебя?

– А вот тут ты ошибаешься! – возразила она, вмиг переставая улыбаться. – Кать, это не тот случай. Он офигенный, это точно! И я думаю – он именно тот, кто способен меня зацепить!

Я в этом сильно сомневалась. Анькины романы, сколько я её знала, никогда не длились долго. Она вспыхивала, эмоции были очень даже настоящими, но... проходил месяц-другой, а то и меньше, и от страсти не оставалось и следа. Каждый раз она сама была убеждена, что это он – тот самый! Тот, который заставит её образумиться, успокоиться, от которого она сама не захочет уйти, но она не умела глубоко нырять в свои чувства и, по большому счету, не хотела хоть в чём-то себя ущемлять.

– Ань, меня он, кажется, уже зацепил!

– Ты не можешь этого знать наверняка! Как ни крути, а пары часов недостаточно, чтобы понять, что это любовь всей твоей жизни. Ни тебе, ни мне. Так что мы с тобой на равных! Что тут скажешь, в её словах был резон. Требовать, чтобы она не подходила к парню только потому, что он мне тоже понравился, я не могла.

Анька оперлась спиной о нагретую недавно скрывшимся солнцем кирпичную кладку, закурила, задумчиво глядя в сумерки, тряхнула головой, от чего чёлка снова упала на лицо, закрыв один глаз. Её расстроило то, что я сказала. Она была моей подругой, любила меня, желала мне счастья... Но, чёрт побери, он понравился нам обоим! И мы обе считали, что глупо отказываться от него в пользу другой.

– Давай так, – вздохнула она. – Ведём себя как обычно, – я усмехнулась, и она внесла поправку: – Я имею в виду, как обычно, когда тебе понравился парень, то есть клеим его, пускаем в ход всякие штучки, уловки... А он уж пусть сам выбирает!

Предложение было честным... Предложение было честным, и я знала, что соглашусь на него, как знала и то, что Анька после этого соглашения пойдёт как бронетанк. Такая уж она. Характер, ничего не поделаешь. Она сделает всё, что угодно, на уши встанет, но постарается, чтобы у меня даже шанса не было больше с ним заговорить. Она будет перебивать и высмеивать меня, не зло, но довольно обидно... Будет переключать всё внимание на себя, будет невзначай касаться его, и намеренно касаться, глядя в глаза долгими манящими взглядами...

Я знала все эти её уловки! Я знала, что не смогу ей ничего противопоставить! Ну не могу, не умею я так! Мне бы хоть немного просто поговорить с ним, только с ним, тихо, спокойно поговорить! Тогда да, я смогу показать себя во всей красе. Но не здесь, не в шумной компании, привлекая на себя не только его, но и всеобщее внимание. Когда столько малознакомых лиц обращены в мою сторону, когда столько чужих глаз и ушей наблюдают за мной, я теряюсь. Вот когда все свои, тогда да, тогда другое дело! Но не сейчас...

Но вариантов-то не было! Я согласилась...

... И, конечно же, всё пошло по тому сценарию, который я себе и представляла. Меня очень быстро и незатейливо выкинули из круга внимания. Я хотела, хотела, очень хотела сделать что-то! Сказать что-то остроумное, чтобы все засмеялись, рассказать забавную историю, красиво двигая руками, приподнимая брови с наивно-детским выражением, подшучивая над самой собой, как это делала сейчас Анька. Так у неё естественно это получалось! Вот ведь чертовка! Она же не красавица, совсем не красавица, если присмотреться! И нос картошкой, и губы слишком тонкие, да и фигура средненькая. Грудь, конечно, шикарная, зато всё остальное, прямо скажем, так себе...

Если уж совсем откровенно, то поставить нас рядом – выбор очевиден! Но, только в том случае, если не давать ей двигаться и рта раскрыть. Моя подруга умела быть обаятельной, интересной и весёлой. Отсутствие внешней привлекательности она с лихвой компенсировала своим живым характером, и своей сексуальностью. Той самой, которая не имеет никакого отношения к внешности.

А я – тихоня. Я долго раскачиваюсь, привыкаю к людям прежде, чем раскрыться во всей красе.

И у меня в голове был полный штиль... Я потягивала пиво, молчала, и уже не пыталась вставить свои «три копейки». Пара попыток отбили всякую охоту.

После того, как шашлык был съеден, все, сытые и довольные, устроились вокруг костра. Собрались поближе, подтащили свои стулья и шезлонги. Ночь была волшебная, тёплая, даже не верилось, что только середина мая.

Я смотрела на Филиппа, на то, как он подливает Аньке вина, как заботливо накидывает свитер ей на плечи...

– Ах, спасибо. И правда, все-таки сыровато, хоть и костёр горит, правда? – она изящно поправляла волосы над огромными глазами, в которых плясали чёртики и смешинки...

Надо отдать Филиппу должное, держался он молодцом. Видала я парней, на которых вот эти Анькины штучки действовали просто убойно – полчаса общения, и он уже пускает слюни и готов приносить тапочки в зубах. С Филом, слава богу, ничего такого не происходило – хотя он явно уделял моей подруге внимание, и нравилась она ему, но психику она ему не порушила, это точно!

Рядом с Филиппом сидел Виталий, молча, задумчиво глядя в костёр, а в его объятиях пригелась такая же тихая Кристина. Она, не мигая, смотрела на пламя, и иногда лицо у неё становилось очень недобрым.

Я её прекрасно понимала – длинноволосая выдра Алина не просто не уехала – она поднакачалась спиртным и начала потихоньку доставать Кристину. То одну шпильку подпустит, то другую... Покинуть наше общество она отказалась наотрез, хотя ей было предложено, причем в довольно резкой форме, но...

Везти её было некому – все уже успели приобщиться к разного рода алкоголю. Доехать до города можно было бы ещё на маршрутке, которая проездом шла мимо этого поселка, или на электричке. До маршрутки идти нужно было около полутора километров, до станции и того больше, а поскольку многие дачи ещё строились, а одета мадам была очень даже вызывающе, то в сумме эти факты давали большую вероятность, что до пункта назначения она могла бы и не дойти. А Кристина, хоть и пылала праведным гневом, на такой жестокий шаг пойти всё же не могла. Желающих же благородно проводить девушку почему-то не нашлось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.